

ВЛАДИМИР ОХРЕМЕНКО

НА КРАЮ СОЗНАНИЯ

Владимир Охременко

На краю сознания

«Издательские решения»

Охременко В. В.

На краю сознания / В. В. Охременко — «Издательские решения»,

Задумывались вы когда-нибудь, где граница между воображением и реальностью? В каком бы мире мы жили, если бы умели менять время и пространство? Если бы любая наша фантазия по первому желанию обретала форму? Журналист Николас и его необычная спутница Энн отправятся в невероятное путешествие на краю сознания. Будущее уже наступило.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Интервью	7
Глава 2. Новая реальность	13
Глава 3. Ночные кошмары	20
Глава 4. Идеальный мир	26
Глава 5. Сказочный берег	34
Глава 6. Королевский приём	42
Глава 7. Игра	45
Глава 8. Восстание	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

На краю сознания

Владимир Владимирович Охременко

© Владимир Владимирович Охременко, 2015

© Марина Владимировна Ветер, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Поздний вечер. Я возвращался домой по хорошо знакомому мне тихому темному переулку. Недавно прошел дождь, и асфальт был еще влажным, а воздух – свежим. Слишком свежим для этого огромного современного города с его многочисленными автомобилями, пешеходами, роботами. Я вдохнул его полной грудью с какой-то особенной радостью. Настоящий воздух. Реальный. Как же долго я его не ощущал! Сколько дней и месяцев прошло с тех пор, как я был здесь последний раз? Я сбился со счета времени, но если бы кто-нибудь наблюдал за этим переулком, ему бы показалось, что я прошел здесь всего чуть больше часа назад. И он бы оказался по-своему прав.

Удивительно, что мне удалось уйти так легко после всего, что я выяснил! Я только что был готов к тому, что мне придется столкнуться со всеми силами службы безопасности «Biotronics», которые попытаются помешать мне покинуть здание, но меня просто отпустили! Поверить не могу, что все оказалось так просто! А в чем же подвох?

– Успокойся, Ник, – сказал я сам себе. – Ты становишься параноиком. Ты же всегда посмеивался над всеми этими конспирологами, любителями теорий заговоров, что же с тобой случилось, что ты стал сам мыслить, как они?

Может быть, то, что я – единственный, кому пока что удалось выбраться? Единственный свидетель. Долго ли живут ненужные свидетели? На секунду мне показалось, что я слышу шаги за своей спиной. Я осторожно посмотрел через плечо. Нет, это бесполезно. Слишком темно, даже если кто-то прячется там, в переулке, я никак не смогу его разглядеть.

«Фонарик!» – подумал я, но фонарик не возник в моей руке. Я слишком отвык от этой реальности, забыл, что здесь действуют другие законы. Здесь я не могу одним своим желанием осветить всю эту темную улочку ярким светом появившихся из ниоткуда прожекторов, обнаружить своего преследователя, приподнять его над землей силой мысли, заглянуть в его сознание и узнать, что ему нужно от меня. Совсем недавно я был всемогущим творцом, повелевающим реальностью, но здесь я всего лишь обычный человек, к тому же, невооруженный. А тот, кто за мной следит, может оказаться кем угодно. Например, убийцей из «Biotronics», которого послали устранить ненужного свидетеля.

Я старался идти как можно тише, вслушивался в каждый звук за моей спиной. Издалека доносился привычный шум большого города, через квартал отсюда была шумная улица с автомобилями, перекрестками, яркими витринами, и отзвуки этой ночной жизни доносились и сюда, во тьму покинутого переулка. Но был и еще какой-то звук. Осторожный звук шагов моего преследователя. Да, я был здесь не один.

Каким же наивным я оказался! Конечно же, они меня отпустили! Отпустили для того, чтобы пристрелить в первом же тихом переулке! И вместо моей сенсационной статьи в газете завтра выйдет мой некролог. «Известный журналист застрелен недалеко от дома». Вот как, значит, это закончится? Нет уж!

Я побежал. До моего подъезда было совсем недалеко. Мой преследователь перестал скрываться, я отчетливо слышал, как он бежал сзади. Здесь темно, мы оба бежим, если он захочет застрелить меня, попасть будет не так уж и просто! Хотя, мне ли об этом рассуждать? Откуда я могу знать, насколько хорошая подготовка у наемных убийц «Biotronics»? Может быть, это вообще был боевой робот новейшей модели, который просчитывает каждый мой шаг наперед, и застрелит меня прямо возле спасительной двери?! Выстрелов я пока не слышу. Может быть, он целится? Зачем я, черт побери, согласился на это интервью!

Интервью. Да, всё это началось с интервью...

Глава 1. Интервью

– Добрый вечер, я Николас Вильфрид.

Щелк! Проиграть. Пуск. Шипение.

Рано или поздно это должно было случиться. Мой разум всегда был достаточно хорош, чтобы учитывать всё, но не в этот раз. Не учел такую мелочь, как поломка диктофона за двадцать минут до, пожалуй, самого важного интервью в моей карьере. Двадцать минут...

Две с половиной минуты на то, чтобы обуться, запереть дверь и спуститься на лифте вниз.

Семь минут и двадцать секунд на то, чтобы добраться пешком до небоскреба «Viotronics» через два квартала по кратчайшей дороге.

Ровно три минуты на то, чтобы пройти стандартную процедуру досмотра на входе в здание.

Две минуты пятнадцать секунд на то, чтобы подняться на лифте и пройти по коридору в приемную генерального директора.

Итого: четыре минуты сорок девять секунд в запасе, с учетом одной секунды на эти размышления. Достаточно, чтобы прийти немного раньше назначенного времени, но недостаточно, чтобы раздобыть новый диктофон в девятом часу вечера. Возникшую внезапно проблему невозможно решить за имеющееся время, следовательно, о ней не стоит и думать. К счастью, у меня отличная память. Я завязал шнурки, взглянул на наручные часы и вышел за дверь.

Асфальт был мокрым после недавнего дождя, но на пути к небоскребу не оказалось глубоких луж, из-за которых я бы мог потерять время. В это время суток уже темно. Я шел через задние дворы, избегая потока пешеходов на оживленных улицах. Здесь было тихо. Я прокручивал в мыслях все те вопросы, которые планировал задать Эдварду Дарио, директору крупнейшей и богатейшей корпорации в мире, мультимиллиардеру и гениальному изобретателю. Он любезно согласился предоставить мне целый час его драгоценного времени, и моя задача – выжать из него максимум полезной информации за этот час. Лучше меня этого не сделает никто.

– Дай сюда баллончик, тупая железка! – прервал мои мысли чей-то звонкий голос.

– Слышала, что он сказал? Тебе человек приказывает, глупый робот! Подчиняйся!

К сожалению, в городе было полно малолетних преступников. Шайка детей, пять человек, среди которых старшему было от силы лет пятнадцать, окружили безобидного робота устаревшей модели. Робот сжимал в руках-манипуляторах баллончик с краской, и, похоже, не желал с ним расставаться. Если, конечно, его программа подразумевала наличие у него каких-либо желаний. Я взглянул на часы. Времени было еще достаточно, и я решил вмешаться.

– В чем дело? – я смотрел в упор в глаза старшему, не давая ему возможности спрятаться за остальными.

– Этот робот... Он не отдает баллончик... – голос задиры выдавал смущение и неуверенность, остальные только смотрели то на него, то на меня. Я понял, что полностью контролирую ситуацию. Хватит трех минут на ее решение. Конечно, можно было бы управиться и быстрее, ведь они понимают один простой закон: кто сильнее, тот и прав. Я был сильнее, но может быть, именно я буду тем человеком, столкновение с которым изменит взгляды этого мальчишки? Для него еще не всё потеряно.

– Это твой баллончик? – спросил я более мягко.

– Нет, но...

– Почему же тогда он должен его отдать?

– Потому что он пачкает стены! – мальчишка почти закричал.

Он показал пальцем на торец жилого дома. Дом был кирпичным, следовательно, ему было уже не меньше ста лет. На стене была картина, рассматривая ее, я потратил еще лиш-

них 10 секунд. Глубокое черное небо, покрытое россыпью сияющих звезд. Синеватая газовая туманность причудливой формы. Из-за игры красок и полутонов картина казалась объемной. Три метра настоящего звездного неба на кирпичной стене.

– Это ты нарисовал? – я обратился уже к роботу, и тот кивнул. Робот-художник. Интересная программа для такого древнего экземпляра, как этот.

– Он не имел права здесь что-то рисовать! – заявил задира.

– А кто его лишил этого права? Ты?

– Я!

– На каком основании? – мальчишка задумался на семь секунд. Пока еще допустимо.

– На основании того, что я – человек! – с гордостью заявил он.

– А он – робот. И что с того?

– Ну... Я обладаю сознанием!

– И он обладает.

Я не соврал. Роботы этой серии уже обладали сознанием даже в базовой комплектации, а у этого явно были какие-то новые интеллектуальные блоки.

– Но мое сознание... – мальчишка запнулся, кажется, он пытался подобрать слова, чтобы точнее выразить свои мысли. – Оно же... Его сознание – это всего лишь набор электронных сигналов в микрочипах, в отличие от моего!

Этот довод, судя по торжествующей улыбке и сияющему взгляду, заставил его считать себя победителем. Остальные не вмешивались, продолжали с интересом следить за нашим диалогом. Подумать только, самой младшей в банде была еще совсем маленькая девочка дошкольного возраста!

– А почему ты считаешь, что твое сознание, основанное на электрохимических реакциях в органике, чем-то превосходит его сознание, созданное электронными импульсами в микрочипах?

Еще двенадцать секунд размышлений. У меня уже почти нет времени на это.

– Человек создал его! – мальчишка попытался ударить робота, но тот отскочил и спрятался за мою спину.

– Лично ты еще ничего не создал, – строго возразил я.

– Но и он тоже!

– Нет. Он создал это, – я показал пальцем на звездное небо на стене и повернулся к роботу. – Иди за мной, Энн.

Пятая базовая комплектация Artificial Neural Network, сокращенно – ANN-5. Все они откликнулись на имя Энн, и этот робот не был исключением. Он последовал за мной, оставив забияку стоять с открытым ртом и провожать нас взглядом. Может быть, благодаря этому разговору одним потенциальным преступником в городе станет меньше? В любом случае, то, что я сделал, было лучше, чем просто применить силу.

В следующий раз я посмотрел на часы у входа в небоскреб «Biotronics». Огромная бетонная башня в центре города возвышалась над всеми остальными зданиями, верхние этажи пропадали где-то в облаках. Это великолепное творение современной архитектуры входило в десятку самых высоких зданий в мире, и на мой вкус, было самым красивым из них. Но любоваться этой красотой было некогда. В запасе было всего одна минута сорок секунд.

– Энн, у тебя есть записывающие устройства? – внезапно пришло в голову решение моей проблемы.

– Аудио, видео, стереокамера.

Замечательно! Сделал добро – и оно тут же ко мне вернулось!

– Отлично. Ты окажешь мне услугу?

– Конечно, господин, – робот ненадолго задумался, по-видимому, его речевой модуль искал подходящую фразу. – Как мне вас называть?

– Ник.

– Конечно, господин Ник. Я имею права задать еще один вопрос? – да, у него был очень вежливый речевой модуль.

– Задавай.

– Почему вы спросили, окажу я вам услугу или нет? Вы могли просто приказать. Я робот, и подчиняюсь человеку.

Хороший вопрос для робота! Я улыбнулся ему в ответ.

– Как я заметил, не всегда подчиняешься. Времени нет, следуй за мной.

Охрана проверила мой новый «диктофон» достаточно быстро, чтобы я оказался в приемной Эдварда Дарио за двенадцать секунд до назначенного времени. Хорошо, что у меня было четыре минуты сорок девять секунд в запасе.

– Вы – Николас Вильфрид? – голос робота-секретаря был, пожалуй, чрезмерно доброжелательным.

– Да, это я.

– Проходите. Господин Дарио вас ожидает.

Кабинет Эдварда Дарио был небольшим. После ярко освещенных длинных коридоров с высокими потолками, бесконечных офисов со стеклянными перегородками и суетящимися служащими трудно было поверить, что я всё еще нахожусь в том же здании. Кабинет был больше похож на комнату в старинном особняке – отделка из красного дерева, старинные часы с маятником, бордовые шторы из парчи. Интерьер был роскошным, но эта роскошь не выглядела вычурной и высокомерной, а наоборот, создавала непередаваемое ощущение уюта у любого прибывшего гостя. Можно было подумать, что я оказался в прошлом, если бы не одна картина на стене, на которой футуристический космический корабль приближался к неизвестной планете. Несбывшаяся мечта человечества.

Сам господин Дарио сидел в кресле за дубовым письменным столом с резными ножками. Седой старик в скромном сером костюме, создавший первое искусственное сознание полвека назад, но не остановившийся на этом.

– Садитесь, господин Вильфрид. – произнес он. – Я понимаю, вы цените свое время, как и я, и потому мы можем сразу перейти к делу. Ведь вас интересует нейронет, верно?

Убедившись, что Энн записывает нас, я ответил:

– Нейронет. Ваше новое слово в передаче данных. В прессу попадают лишь противоречивые слухи о том, что это такое. Кто-то говорит, что вы нашли способ передавать информацию напрямую из сознания в сознание, а некоторые даже пишут, что вы проводите бесчеловечные эксперименты на людях в подвалах вашего здания, – я изобразил улыбку. – Расскажите правду нашим читателям?

Этот человек был предельно вежлив, но он словно не умел улыбаться. Несмотря на мой опыт работы с людьми, мне было сложно разговаривать с ним. Вежливый и лишенный эмоций пожилой человек по своей манере общения напоминал одного из своих роботов.

– В любой сплетне может оказаться доля правды. Если говорить о передаче информации из сознания в сознание, то я могу сейчас сказать, что это уже в прошлом. Несмотря на то, что эта технология не получала никакой огласки, она используется уже больше десяти лет.

Дарио сделал паузу, ожидая увидеть удивление в моих глазах. Но, наверное, именно по этой причине сюда и послали меня: я был готов ко всему.

– Наверное, технология оказалась слишком специфической? Или же сразу была засекречена по требованию Министерства Обороны?

– Отчасти и то, и другое. Это я не буду комментировать, – миллиардер отрицательно покачал головой.

– Тогда расскажите нашим читателям о самой технологии? Как это работает? Это можно объяснить простым языком для непрофессионала?

– Простым языком? – наконец-то я увидел какое-то оживление в глазах собеседника. – Ну что же, я попробую. Представьте сознание, как сложную систему, к которому подключены устройства ввода-вывода. Вы можете даже не знать внутреннюю структуру этой системы. Этакий «черный ящик».

Мне был знаком этот термин, и я знал, что смогу объяснить это читателям. Время интервью было ограничено, и потому останавливаться здесь не стоило.

– Понимаю. Продолжайте.

– Так вот, мы создали к этому «черному ящику» свои устройства ввода-вывода. Вы наверняка знаете, что вся картина окружающей реальности формируется в сознании на основе полученных с устройств ввода данных. Я специально говорю «сознание», не заостряя внимание на том, является ли оно человеческим или искусственным, так как для нас в данном случае нет никакой разницы. Устройства ввода могут быть разными, у человека – глаза и уши, у робота – сенсоры и датчики, но суть одна.

Эдвард Дарио говорил голосом, которым в пору читать скучную лекцию в университете, но скучно мне не было. Я не только хотел узнать у него всё, потому что в этом состоит моя работа. Мне и самому было безумно интересно узнать первым о новинке, которая еще не вышла в свет.

– Вы хотите сказать, что у человеческого сознания и у искусственного при одинаковых входных данных сформируется одинаковая картина окружающей реальности?

– Нет, совсем нет! – Дарио вдруг расхохотался, и мне сразу стало легче от осознания того, что этот человек еще способен испытывать эмоции. – В этом-то и интерес нейронета! Сейчас я попробую вам объяснить на примере.

Дарио протянул руку и развернул ко мне фотографию в рамке, которая все это время стояла на столе, но я не мог видеть раньше, что на ней. Сейчас я видел улыбающегося молодого человека с гитарой в руках.

– Как вы считаете, этот молодой человек – привлекательный? – спросил Дарио.

– Мне трудно сказать. Я ведь не женщина, – я пожал плечами. Наверное, это какой-то родственник Дарио. Сын? Может, стоило всё же сказать, что он симпатичный?

– Вот! – старик поднял палец вверх. – Но даже если бы вы были женщиной, вы бы могли сказать разное. Одна назовет его красавчиком, другая же скажет, что он не в ее вкусе. Понимаете, о чем я?

– Понимаю. При одних и тех же входных данных разные «черные ящики» формируют разную картину реальности.

– Именно так. – Дарио довольно откинулся в кресле. – Реальность субъективна.

– Но ведь существует и объективная реальность, господин Дарио. – осторожно сказал я. Не хотелось спорить с гением, но принять его заявление для меня было как-то сложно. Существуют же факты, которые никак не зависят от наблюдателя!

– Существует, но мы не оперируем с ней напрямую, – продолжил мой собеседник голосом лектора. – Реальность, с которой мы имеем дело, существует только внутри нашего «черного ящика». Помните идею про мозг в банке? Если мы извлечем живой мозг из тела, методами современной медицины обеспечим его жизнедеятельность, а потом при помощи искусственных устройств ввода будем посылать в этот мозг сигналы из компьютера, аналогичные тем, что он бы получал от его органов чувств, этот мозг будет воспринимать ту реальность, которую для него создает компьютер. Он не сможет отличить ее от настоящей.

– Значит, в ваших подвалах вы действительно извлекаете мозги из тел и помещаете их в банки? – я снова улыбнулся. Само собой, это был бредовый слух, но для читателя было важно получить его прямое отрицание от первоисточника.

– В лаборатории мы действительно используем около сотни добровольцев для испытания нейронета, – Дарио снова «выключил» эмоции, словно умел делать это по желанию. – Но для этого совсем нет необходимости извлекать их мозги и помещать в банки. Все эти люди живы и здоровы, и с точки зрения нашей с вами, так сказать, объективной реальности находятся в анабиозе. Их тела спят, но мозг продолжает функционировать, используя искусственные системы ввода-вывода.

– Так что же все-таки такое этот «нейронет»? – я проговорил последнее слово громко и как-то торжественно. Наверное, даже слишком.

– Теперь я смогу это вам объяснить, – ответил мой собеседник. – Итак, как мы уже установили, каждое сознание создает свою субъективную реальность. Мы называем это «субреальность». Субреальность наполнена образами, сформированными сознанием, ее порождающим. И субреальность управляется этим сознанием. А при помощи нейронета одно сознание может путешествовать в субреальности другого.

– Путешествовать? Как это?

Дарио сделал какой-то странный жест ладонью и посмотрел куда-то вверх. Я автоматически посмотрел туда же – ничего. Просто потолок.

– Человечество долгое время пыталось создать технологию передачи мыслей, но в корне неверно представляло процесс, – сказал он. – Раньше мы думали, что если сознание-передатчик подумает «голубое небо с облаками», то именно эту мысль, в виде текста, должно получить сознание-приемник. Но на самом деле это не так. В сознании-передатчике текстовая информация вторична, первичен же образ «голубого неба с облаками», и этот образ увидит сознание-приемник. Именно такую передачу образов правильно называть «передачей мыслей», а не некую передачу текста. Нейронет позволит вам увидеть «голубое небо с облаками» таким, каким оно является в субреальности другого сознания. И не только небо. Вы увидите всю эту субреальность.

– То есть в нейронете существуют «путешественники», которые являются наблюдателями чужих субреальностей, и те, кто их создает? Этакие «творцы»? – я с трудом мог представить, как всё это выглядит для посетителя нейронета.

– Не совсем! В нейронете каждый одновременно является и творцом, и путешественником. Это не так-то просто объяснить тому, кто никогда там не был, но стоит вам войти в нейронет, вы быстро освоитесь и поймете, как это работает.

А вот это мой шанс!

– А мне можно посмотреть, как это работает?

Дарио задумался на десять секунд, принимая, похоже, какое-то непростое решение. Если бы не было возможности пустить меня в нейронет, он бы, скорее всего, ответил незамедлительно. Значит, у меня есть шанс.

– Господин Вильфрид, у вас есть один час на интервью, верно? – строго спросил он.

– Верно, – я посмотрел на часы. – И осталось сорок восемь минут сорок секунд.

– Вы так тщательно следите за временем? Нет, этот мой вопрос не обязательно включать в интервью, мне просто стало интересно. – Дарио улыбнулся мне. Похоже, он предпочитает обычно сдерживать свои эмоции, но мне удалось-таки его разговорить.

– Да, я научился отдавать себе строгий отчет о каждой секунде моего времени, – ответил я. – Это позволяет мне расходовать время эффективно.

Дарио кивнул, встал из-за стола и жестом показал мне следовать за ним. Я повиновался. Энн засемила за нами. Засемила? Похоже, я решил, что высокий тонкий голосок робота и его встроенное «имя» вызывает у меня ассоциации скорее с женским полом. Ну что же, пускай Энн будет девочкой, скорее всего она не возражает. Мы прошли в лифт, который я странным образом не заметил, когда прибыл сюда.

– Полезный навык, но в нейронете он вам вряд ли понадобится, – заговорил Дарио, когда лифт двинулся вверх. – В субъективной реальности и время течет субъективно. Ваша привычка постоянно смотреть на часы, скорее всего, окажется бесполезной.

Я поймал себя на мысли, что действительно смотрю на часы, засекая время, которое требуется лифту, чтобы попасть на нужный нам этаж. Судя по моим ощущениям, лифт набирал скорость. Он двигался все быстрее и быстрее, и всё никак не хотел останавливаться. Мы находились на одном из верхних этажей небоскреба, и мне стало немного не по себе – все мои попытки умножить предполагаемую скорость лифта на время, прошедшее с начала его движения, приводили к тому, что он уже давно должен был пробить крышу и мчаться в стратосферу. Я хотел было высказать свои опасения Эдварду Дарио, но его в лифте не было! Мы остались вдвоем с Энн.

Глава 2. Новая реальность

– Куда подевался господин Дарио, Энн?

– Он исчез.

– То есть как «исчез»? – несмотря на то, что технологические достижения нашего времени удивляли, наверное, каждый год, я не мог понять, каким образом живой взрослый человек может вот так взять и исчезнуть.

– Мои сенсоры потеряли его местоположение девять секунд назад. Слово «исчез», насколько я понимаю, наиболее точно характеризует эту ситуацию.

Свет в лифте мигал, а снаружи доносился нарастающий рев, как будто нас несли реактивные двигатели. Девять секунд? Я машинально посмотрел на часы. Стрелка не двигалась. Свет в лифте перестал мерцать и становился все ярче. Рев стал оглушающим, кабина затряслась так, как будто вот-вот развалится на куски. От яркого света мне пришлось закрыть глаза. Мой мозг судорожно пытался найти объяснение происходящему, но ничего не приходило на ум.

А потом всё стихло. Наверное, я потерял сознание. Ощущения возвращались ко мне постепенно, сначала я почувствовал собственное тело, потом услышал знакомый звук прибора. Наконец, я осторожно открыл глаза и увидел безоблачное голубое небо и яркое желтое солнце, пляж, пальмы, песок. Райский тропический островок, словно из рекламы. Энн была рядом. Она рисовала какие-то линии на песке, прибором смывал их, но она продолжала рисовать снова и снова. Я окликнул ее:

– Энн!

– Да, господин Ник? – она оторвалась от своей картины на песке.

– Где мы?

Часы по-прежнему стояли, но мое внутреннее чувство времени установило, что Энн ответила только через четыре секунды:

– Проанализировав всё то, что произошло ранее, я пришла к выводу, что господин Эдвард Дарио перенес нас в систему, которую вы называли «нейронет». Я имею в виду, перенес ваше и мое сознание, а не нас физически. В данный момент наши устройства ввода-вывода получают информацию от нейронета, а не от объективной реальности. Установить наше местоположение в объективной реальности только на основе информации от нейронета не представляется возможным.

– То есть это... – голова еще кружилась, и две секунды я вспоминал слово. – Субреальность?

– Скорее всего, так и есть.

– Как-то я не думал, что моё сознание нарисует для меня тропический остров.

– Эта субреальность не обязательно нарисована именно вашим сознанием, господин Ник.

Как вы сами предположили в кабинете господина Дарио, есть путешественники и есть творцы. Похоже, что мы с вами – путешественники.

– Тогда нам стоит поискать творца, – сказал я и поднялся на ноги. – Кстати, Энн. Я заметил одну деталь... Почему ты сказала «я пришла к выводу», а не «я пришел...»?

– Потому что вы сами решили «пусть Энн будет девочкой, скорее всего она не возражает». Я действительно не возражаю.

Не помню, чтобы я говорил об этом вслух, но Энн явно это слышала. Возможно, прочитала мои мысли, как только мы оказались в нейронете. Дарио говорил про передачу образов напрямую из сознания в сознание, причем уточнял, что различия между искусственным сознанием и человеческим для передачи не важны. Но Энн дословно процитировала мои мысли, как ей это удалось? Как это работает? Надо во всем разобраться. Одно понятно уже сейчас – это репортаж для первой полосы!

Долго искать творца нам не пришлось. В гамаке, натянутом между двумя пальмами, лежал мужчина в синих плавках. Голубоглазый блондин, ростом метра с два, крепкого спортивного телосложения, он смотрел на экран телевизора, расположенный прямо на пальме напротив него. К моему удивлению, в его руках были бутылка пива и пачка чипсов, что было, на мой взгляд, неподходящей пищей для такого атлета. По телевизору шел новостной репортаж:

– ... но посадка корабля на Марс окончилась трагедией. В результате разгерметизации погибло сто тридцать четыре человека. Как прокомментировали ситуацию в NASA,...

– Идиоты! Чё им на Земле не сидится?! – неприятным, пропитым голосом, совсем не соответствующим его внешности, прошипел атлет и переключил канал. На экране двигались какие-то обнаженные девушки, и, судя по довольной улыбке человека в гамаке, эта программа его устраивала больше.

– Добрый день! – обратился я к нему.

– Кто это тут? – атлет повернулся к нам с Энн и оглядел нас пренебрежительным взглядом. – Что это за металлолом на моем острове?

– Это Энн, она – мой робот, – я старался быть вежливым с этим человеком. Работа журналистом научила меня вести себя корректно с каждым, даже если он этого не заслуживал. – Вы бы не могли подсказать нам, где мы находимся?

– На моем острове. Я тут бог, ясно?

– Ясно. А как нам отсюда выбраться? Здесь есть города? Люди?

– Люди? – усмехнулся «бог». – Зачем вам люди? Тут вокруг одни придурки.

– Почему вы так считаете?

Атлет расхохотался, и звук его смеха не вызывал ничего, кроме отвращения.

– Так здесь же можно быть богами! Создавать что угодно! А они занимаются ерундой.

– Ерундой? Какой, например?

– Да просто повторяют свою дурацкую реальную жизнь! Толстые задницы лежат на диване и смотрят тупые реалити-шоу! Когда как они могли творить!

– Творить? Например, скопировать остров из рекламного ролика, собственный образ с известного спортсмена и смотреть эротику? В моем представлении «творить» – это другое.

Подвисла пауза, и я понял, что сказал лишнего. Глаза «Бога» налились кровью. Скорее всего, мое предположение попало в точку – до эксперимента он сам был одним из этих «толстых задниц на диване», над которыми, по его мнению, он сейчас возвысился в своей субреальности. Но на самом деле сменилась лишь обложка, а привычки остались. Все это было мне очевидно, но осознание того, что не стоило выражать свои мысли вслух, находясь в его субреальности, пришло слишком поздно. Атлет мгновенно вырос в размерах, наверное, раз в пять, схватил меня и Энн одним движением и сжал в кулаке. Я думал, что он раздавит нас обоих. Но вместо этого он прокричал:

– Убирайтесь из моего мира!

И швырнул нас в океан со всей своей «божественной» силой. Наверное, я стал первым человеком, преодолевшим скорость звука без помощи техники? Пролетая над поверхностью воды, я быстро рассчитал, что падение, которое рано или поздно наступит, должно убить меня на месте. Но ведь это все происходит в субреальности, а здесь другие законы. Кажется, «бог» хотел, чтобы мы покинули его мир, и если он им действительно управляет, то полет должен закончиться за его границами. На эти размышления ушло восемь секунд, после чего мы с Энн, подняв два фонтана из брызг, рухнули в воду.

Похоже, законы физики в нейронете действовали как-то иначе. Удар о водную гладь был сильным, но я не почувствовал боли. В лёгкие хлынула вода, я судорожно пытался выбраться на поверхность, но вдруг понял, что здесь я могу дышать под водой. Неприятные ощущения немедленно прекратились. Я медленно опускался на дно, размышляя, что мне делать дальше.

Похоже, нейронет создан так, чтобы пользователь не смог погибнуть в субреальности. Да и что бы произошло со мной, если бы я погиб? В объективной реальности моё тело сейчас, скорее всего, спит где-то в небоскребе «Biotronics», подключенное к этим «устройствам ввода-вывода» Эдварда Дарио. А все, что как мне кажется, происходит со мной сейчас, формируется сигналами нейронета, в программе которого наверняка не должно быть функций, опасных для моей жизни и здоровья. Энн, которая погружалась на дно вместе со мной, тоже была в полном порядке. Я посмотрел вниз – беспроглядная тьма, дна не было видно. Чья это субреальность? Уже наверняка не того «атлета» на острове. Интересно, как вообще это все организовано? Где проходит граница между субреальностью одного творца и субреальностью другого? Что будет, если два творца отправятся навстречу друг другу, создавая свои субреальности, и встретятся на границе? Вопросов возникало все больше и больше, и за время нахождения здесь мне нужно найти как можно больше ответов. Интересно, сколько я провел здесь времени? Дарио сказал, что в субъективной реальности время течет субъективно. Значит, и мое безупречное чувство времени может здесь обмануть меня. Этак и забыться совсем можно!

Тем временем, вокруг становилось темно, а дно так и не появлялась. Толща воды над моей головой меня не раздавила, похоже, сама физика нейронета заботится о моей жизни. А вот солнечного света становилось все меньше. Где-то вверху солнце уже перестало быть ярким пятном. Я еле различал Энн, до которой было всего метра два. Мрак сгущался. Неужели я проведу остаток своего путешествия в нейронет в крошечной тьме, ожидая, пока где-то там, в реальности, господин Дарио, дождавшись окончания положенных мне сорока восьми минут, не отключит меня от системы?

Словно ответ на мой мысленный вопрос вдали возник какой-то свет. Яркое пятно быстро приближалось к нам, а через некоторое время я услышал нарастающий шум. Вскоре я понял, что это был звук вращающихся лопастей гребных винтов. К нам с Энн приближался огромный подводный аппарат. Причудливая обтекаемая форма, выпученные иллюминаторы... Я не успел рассмотреть его – свет прожектора ударил мне в глаза и ослепил. Звук винтов начал стихать, аппарат снижал скорость. Я почувствовал движение воды вокруг меня и понял, что меня засасывает внутрь.

Открыл глаза я уже на борту, и первым, кого я увидел, была Энн. Мы, судя по всему, находились в шлюзовом отсеке этого подводного корабля. Здесь было пусто. Светящийся потолок, хромированные стены и пол с решеткой под ногами. Я видел, как под решеткой плескалась вода, увлекаемая куда-то вглубь корабля гудящими где-то под нами насосами. Несмотря на то, что я провел в воде долгое время, одежда на мне была совершенно сухой. Видимо, нейронет «решил», что так мне будет комфортнее, а может, это было решение капитана корабля? Наверное, мы сейчас в субреальности какого-то фаната Жюль Верна. Ну что ж, это намного лучше, чем мир «бога» с тропического острова. Надо бы пойти и поблагодарить местного творца за наше спасение.

Словно в ответ на мое намерение шлюз открылся. Хозяин батискафа решил встретить нас собственной персоной. На вид ему было не более тридцати. Среднего роста, худощавый, с немного грубыми чертами лица и слегка крючковатым носом, его нельзя было назвать красавцем, но зато с уверенностью можно было утверждать, что он решил остаться самим собой в своей субреальности, а не выбрать себе какое-нибудь более привлекательное тело. Одежда его была несколько старомодна, но в то же время он выглядел стильно и достойно.

– Добрый вечер, уважаемые господа. С вашего позволения, у меня на борту вечер, но если у вас всё еще утро, я могу это исправить, чтобы вам было комфортнее! – его голос был приятным и вежливым, но все же некоторые интонации сразу же обозначили некоторую дистанцию между нами.

– Здравствуйте. Меня зовут Николас Вильфрид, а это – Энн, – я дождался, пока он протянет руку, и пожал ее.

– Я – Даниэль Аллен, добро пожаловать на борт моего скромного корабля. Признаться, я был удивлен внезапным прибытием двух реалов.

– «Реалов»? – повторил я незнакомое слово. Кажется, Даниэль Аллен удивился тому, что я его не знаю.

– Здесь так называют реальных личностей, операторов нейронета, – разъяснил он. – В противоположность «придумкам», которые хоть и живут своей самостоятельной жизнью, но являются всего лишь порождениями фантазии «реалов».

– Постойте, то есть как это? Фантазии, живущие своей самостоятельной жизнью?

Даниэль Аллен едва заметным взглядом осмотрел меня с ног до головы.

– Я вижу, вы здесь недавно, верно? Давайте переместимся за стол, и я объясню вам всё за ужином!

Обстановка вокруг немедленно поменялась. Спустя секунду мы уже сидели за огромным обеденным столом в просторном, ярко освещенном зале. Можно было подумать, что мы оказались в каком-то дворце, если бы не прозрачный куполообразный потолок, сквозь который можно было полюбоваться на красоту морских глубин. Аллен хлопнул в ладоши, и зал наполнился слугами. Они несли на подносах разнообразные яства, достойные королевского стола. Этот ужин удовлетворил бы даже самого изысканного гурмана.

– Вот видите всех этих лакеев? – Даниэль небрежно очертил круг открытой ладонью. – Все они – придумки. То есть не более чем плоды моего воображения. Порождения моей субреальности. Но каждый из них обладает собственной самостоятельной личностью. Созданные мной один раз, они живут своей жизнью, которую я уже не контролирую. Хотя и могу это делать.

– Но, тем не менее, они прислуживают у вас за столом.

– Потому что это их работа, – Даниэль пожал плечами. – Каждый из них вправе отказаться от нее, и я по первому же его желанию высажу его на любом острове в любой субреальности, если он посчитает, что найдет там лучшую жизнь.

– То есть порождения вашего сознания... Ваши «придумки» могут жить и в других субреальностях? Не только в вашей? – уточнил я.

– Совершенно верно. Это – один из местных способов передачи мыслей.

– А ваша субреальность – этот корабль?

– Да, я ограничился этим. – Даниэль кивнул. – На нем удобно перемещаться от одной субреальности к другой, потому как выход к морю существует в воображаемом мире, наверное, каждого человека.

– Да уж! – мне тут же вспомнилось моё прибытие в нейронет. – Мне... нам с Энн удалось побывать на одном острове. Его хозяин оказался не самой приятной персоной!

Даниэль Аллен жестом попросил меня остановиться.

– А, дайте-ка угадаю, – сказал он. – Тропический остров с пальмами, фруктами и пляжем?

– Вы его тоже встречали?

– Не совсем. – Даниэль улыбнулся. – Таких островов тут тысячи. Плоды скудной фантазии рядовых обывателей нейронета. Они все, как один, мечтают почему-то о собственном острове с пальмами и загорелыми красотками в купальниках. Чего еще ожидать от людей, мечты которых формируются рекламными роликами?

Я вспомнил, как Эдвард Дарио говорил про «около сотни добровольцев». Откуда же тогда тысячи островов? Хотя возможно, что Даниэль склонен к преувеличениям. Или же эти тысячи островов – часть его субреальности, населенная придумками? Я неоднократно убеждался, что для любых непонятных явлений всегда существует простое и логичное объяснение, и потому не стал уточнять, откуда появились тысячи островов. Вместо этого я просил о другом:

– А ваша мечта – подводные плавания? Путешествия?

– Моя мечта – исследования. – Даниэль откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел на потолок-купол, за которым в едва освещаемой прожекторами толще воды медленно двигалась тень какого-то огромного морского чудовища.

– Вы путешествуете и исследуете субреальности других людей?

– Нет, я исследую другое. После трапезы я покажу вам много интересного.

Даниэль Аллен оставил нас с Энни после великолепного ужина, любезно предоставив нам возможность самостоятельно осмотреть его подводный корабль. Как оказалось, внутри он был еще больше, чем снаружи, но к такому нарушению законов физики я уже начинал привыкать. Мы побывали в машинном отделении, где суетились придумки-механики, и я с удивлением обнаружил, что машина работает на угле. По-видимому, Даниэль был восторженным поклонником эпохи паровых машин. Судя по столь детальной проработке каждого винтика, каждой мельчайшей детали в его субреальности, он хорошо разбирался в предмете не только как художник, но и как инженер. Интересно, кто он в реальной жизни?

Долго находиться в жарком и душном машинном отделении я не смог, и мы отправились дальше. Внутренние помещения корабля поражали своим разнообразием – здесь был и большой плавательный бассейн, и оранжерея, полная разных удивительных растений, большинство из которых вряд ли существовало в реальном мире, и даже целый футбольный стадион, где сотни придумков-болельщиков ревели на трибунах, когда воображаемый Алленом мяч попал в такие же воображаемые ворота. Я обратил внимание на одежду болельщиков – похоже, все они были «родом» из XIX века. Рука творца, одержимого этим историческим периодом, чувствовалась во всем.

Зал, в котором мы, наконец, решили остановиться, был огромной картинной галереей. Коллекция Даниэля поражала воображение и затмила бы все художественные музеи мира вместе взятые, если бы она была настоящей. Галерея представляла собой длинный коридор с красной ковровой дорожкой, пропадавшей где-то за горизонтом. Полотна в изящных золотых рамках располагались по обе стороны прохода. Похоже, хозяин галереи упорядочил картины хронологически, от Ренессанса до поп-арта, и я не вспомнил ни одного известного мне шедевра, которого бы не оказалось в этом коридоре. Хотя, если признаться честно, глубоким знатоком живописи я не был.

Кроме нас с Энн в коридоре были и другие посетители. Они передвигались от картины к картине, иногда останавливались и подолгу вглядывались в полотна. Я поймал себя на мысли, что именно так всегда представлял себе посетителей музеев. Возможно, всех этих придумков уже создает моё воображение, а не воображение Аллена? Господин Дарио говорил, что в нейронете каждый одновременно является и творцом, и путешественником, но каким образом творец создает субреальность, он не объяснял.

Я отвлекся от собственных мыслей, и по привычке посмотрел на часы. Они показывали без двух минут полночь, секундная стрелка двигалась правильно. По-видимому, в отличие от тропического острова, хозяин которого прожигал свое время и не следил за ним, Даниэль Аллен относился к этому вопросу серьезно. В этой субреальности время шло привычным для меня образом.

Энн остановилась возле одной из картин вдали от меня. Некоторое время она рассматривала ее с почтительного расстояния, после чего, к моему удивлению, вытащила свой баллончик с краской и направила его на полотно.

– Стой, Энн! Что ты делаешь?! – я бросился в сторону робота. Мне не хотелось, чтобы моя электронная художница испортила одну из картин коллекции гостеприимного Даниэля. А потом я увидел саму картину.

Огромное полотно изображало черное небо, покрытое звездами, сияющими сквозь синеватую туманность. Это была картина Энн, те самые три метра звездного неба на кирпичной стене, что я увидел в минуту нашего с ней знакомства.

– Я пытаюсь ее закончить, господин Ник. Вы ведь прервали меня, когда я работала над ней. Я считаю, что нехорошо оставлять в галерее господина Даниэля неоконченный вариант.

Я не мог поверить своим глазам. Как эта картина оказалась в субреальности Даниэля Аллена? Красивое неоконченное граффити с задворок большого города, которое во всем мире видел только я, да кучка уличных хулиганов, оказалось в коллекции мировых шедевров! Коллекции человека, который, по-видимому, уже давно создает свою субреальность, а, следовательно, уже был подключен к нейронету в тот момент, когда Энни рисовала эту картину! И он никак не мог ее видеть!

Энн беззаботно наносила на полотно новые штрихи, и похоже, её эти вопросы совсем не волновали. Ее картина была последней в коридоре. Чтобы посетитель галереи смог ее увидеть, ему нужно было пройти длинный путь, наполненный шедеврами. Прекрасный путь сквозь историю искусства, заканчивающийся звездным небом. Именно это хотел сказать Аллен, когда повесил здесь картину Энн? Или...

Меня осенила догадка. Быть может, Аллен тут вообще ни при чем? Если каждый здесь – и путешественник, и творец, то не могла ли сама Энн окончить галерею своей картиной? Не она ли дополнила эту субреальность этим красивым маленьким штрихом? Я уже был готов задать этот вопрос вслух, когда появился сам Даниэль Аллен.

– Прекрасная картина, Энн! – Аллен смотрел на полотно искренне восхищенным взглядом. – Я рад, что она украсит мою коллекцию!

– Спасибо, господин Аллен, – ответила Энн, не отрываясь от работы, но Даниэль уже повернулся ко мне.

– Итак, вы уже потратили некоторое время на осмотр моей субреальности, и теперь я могу рассказать вам и о предмете моих исследований. – Аллен сделал небольшую паузу. – Я изучаю такой непростой предмет, как человеческие эмоции.

– Эмоции? – переспросил я.

– Именно. Нигде они не проявляются так ярко, как здесь, в мире, где можно испытать всё без риска для жизни.

– Да, я уже заметил, что удар о воду со сверхзвуковой скоростью меня не убил, да и пробыть полчаса под водой и не захлебнуться мне тоже удалось. Как я понимаю, реалы бессмертны в нейронете?

– Я не знаю законы нейронета настолько хорошо, – Даниэль развел руками, – Но всё указывает на то, что субреальность не может причинить вред своему создателю. Инстинкт самосохранения корректирует ее, даже если мы сознательно создаем опасности.

– Инстинкт самосохранения? То есть, субреальность не является результатом одного лишь сознательного творчества?

– Именно так! – Даниэль поднял палец вверх. – Субреальность создается в равной степени как сознанием, так и подсознанием, и этим особенно интересна. Вы не могли погибнуть, утонув в море, но вы ведь не знали об этом? И ваши инстинкты подталкивали вас сопротивляться, барахтаться в воде, пытаться выплыть, верно? И ваши эмоции при этом – страх, чувство опасности и неизбежной гибели – они были вполне реальны!

Я даже вздрогнул, когда вспомнил об этом.

– Да, все верно. Когда вода хлынула в легкие, я подумал, что мне конец. Вся жизнь пронеслась перед глазами. Но я быстро успокоился, когда понял, что могу дышать под водой, и страх перед смертью вскоре сменился тревогой о том, что всё отведенное мне время я проведу на дне морском.

– А потом вы увидели мой аппарат, и тревога сменилась удивлением и радостью. Ведь я, можно сказать, вас спас. Верно? – мне показалось, или он подмигнул мне?

Я кивнул. Именно так всё и было. Как будто Даниэль следил за мной с момента падения в воду. Словно прочитав мои мысли, он продолжил:

– Коснувшись воды, вы попали в мою субреальность. Я немедленно узнал о вашем появлении, и наблюдал всё, что происходило с вами. Эмоции реалов куда интереснее эмоций придумков, и потому я подробно записывал всё, что с вами происходило. Когда вы начали терять надежду, пришло время вас вытаскивать и приветствовать у меня на борту!

– Теперь мне многое стало ясно. Вот только не понял про «эмоции придумков»... Разве они могут испытывать эмоции?

– Конечно! – Даниэль широко улыбнулся. – Как я уже говорил, все придумки живут своей самостоятельной жизнью после того, как воображение реала создало их. И они имеют собственные мысли, желания, эмоции... Всё как у людей!

Я не заметил, как мы покинули галерею и оказались в отсеке для пассажиров. Даниэль остановился у входа в одну из кают.

– Я с радостью продолжу знакомить вас с особенностями субреальностей завтра, но сейчас я вижу, что вам пора поспать. Сознание нуждается здесь в отдыхе куда больше, чем в объективной реальности. В каюте вы найдете все необходимое, что бы ни пришло вам в голову. Если вы пожелаете, Энн я поселю отдельно.

– Нет, спасибо. Я как-то уже успел привыкнуть к ней.

– Как вам угодно!

Попрощавшись с Даниэлем, я вошел в каюту и остался с роботом наедине.

– Господин Ник, могу я задать вам вопрос? – спросила Энн, когда дверь каюты закрылась за нами.

– Конечно. Что ты хочешь узнать?

– Я не поняла предмета исследований господина Аллена. Он сказал, что исследует эмоции. В моей памяти слишком мало информации по этому явлению. Что оно значит?

Слова Энн удивили меня. Разве робот-художник, который создает столь яркие, реалистичные и одновременно фантастические картины, не имеет эмоционального модуля? Я задал этот вопрос роботу. Энн думала шесть секунд, после чего ответила:

– Я не знаю, что такое «эмоциональный модуль», такой подсистемы нет в моей комплектации. Также я не вижу сложности в том, чтобы создавать эстетически приятные для человека картины. Насколько я понимаю, в основе творчества человека лежат эти самые «эмоции», о которых вы говорили. В основе же моего творчества лежит математика. Описать математически эстетику человека не так сложно, как вы считаете. Мои картины – результат математического расчета, который дает на выходе именно те формы и образы, которые человек воспринимает, как эстетически привлекательные.

– То есть ты хочешь сказать, что все человеческое представление о прекрасном можно описать сухим языком математики?

– Я не могу понять использование прилагательного «сухой» применительно к слову «язык» в том значении, в котором я его употребила. Если вы не поняли мою фразу, приношу вам извинения. Я имела в виду язык, как средство коммуникации между разумными существами, а не язык, как орган во рту живых существ. Язык, как орган, может быть сухим или мокрым. Язык, как средство общения – нет.

– Я имел в виду «сухой» в переносном смысле.

– Я не понимаю.

– Боюсь, тогда ты не сможешь понять и то, что такое «эмоции». Я спать, Энн.

– Доброй ночи, господин Ник.

– Доброй ночи.

Глава 3. Ночные кошмары

- Это твой баллончик?
- Нет, но...
- Почему же тогда он должен его отдать?
- А тебе-то какое дело, дядя?

Две секунды мне понадобилось на то, чтобы понять, что у подростка, который стоял сзади меня был нож. Слишком медленно! Внезапный удар. Резкая боль в позвоночнике. Я не чувствую ног, и они подкашиваются подо мной. Из последних сил я зову на помощь...

- Вы в порядке, господин Ник?

Теплая постель и холодный пот. Тусклый свет, который не режет глаза, загорелся сразу же, как только я их открыл. Я сидел на кровати в своей каюте и смотрел на Энн, которая не умела выражать беспокойство, ведь эмоционального модуля у нее не было.

- Да... Да, я в порядке. Кажется, я в порядке.

- Вы кричали. Звали на помощь. Я не могла понять, какого рода помощь вам необходима.

– Это был всего лишь кошмар, Энн. Обычный ночной кошмар. Ты когда-нибудь видела сны?

- Нет, господин Ник. Я не нуждаюсь во сне.

– Конечно, как я мог забыть... – сознание возвращалось к реальности, а точнее, к субреальности Даниэля Аллена. Я соображал все лучше, а желание спать улетучилось. Часы показывали три часа ночи.

– Я выйду. Прогуляюсь немного. Тебе не обязательно меня сопровождать, – сказал я Энн. Я протянул руку к своей одежде на вешалке и вдруг осознал, что одежды на вешалке уже нет, а я одет. Не помню, чтобы я одевался. Опять эти шутки нейронета.

В коридоре было тихо, и только слабая вибрация пола напоминала о том, что я на борту батискафа. Я долго шел, куда глаза глядят, пока один объект не привлек мое внимание. Самый настоящий рыцарский доспех! Коридор, в котором я находился, был каменным и освещался факелами, можно было подумать, что я оказался в настоящем средневековом замке. Почему бы и нет, ведь здесь возможно всё. Шутки ради я потянул латную перчатку доспеха за мизинец. Щелчок. Пол задрожал, часть каменной стены отодвинулась, открывая проход на винтовую лестницу, уходящую вниз. Ну вот, похоже, моя мысленная шутка обернулась небольшой реконструкцией корабля Даниэля. Как бы теперь закрыть это обратно и пойти спать? Я потянул за перчатку еще раз, но ничего не происходило. Я потянул сильнее – и доспех с грохотом рухнул на меня, распавшись на составные части, а шлем ускакал куда-то вниз по винтовой лестнице. Дошутился! Теперь придется спуститься за шлемом. Надеюсь, он не укатился далеко.

Лестница спускалась в темноту, и после первых шагов по ней я понял, что если я не вернусь за факелом, то искать пропажу придется на ощупь. Сказано – сделано. Сняв ближайший факел со стены в коридоре, я снова отправился вниз. С каждой ступенькой становилось все холоднее. Я все еще не мог понять, была ли эта лестница в субреальности Аллена, или же она – плод моего воображения. Если последнее, то мне точно не стоит думать о ступеньках-ловушках, самострелах с ядовитыми иглами в стенах и опускающихся решетках с острыми шипами. Хотя, если погибнуть в субреальности всё равно невозможно, то беспокоиться не о чем.

Спираль лестницы сделала уже пять витков, а шлема всё еще не было видно. Пальцы дрожали от холода, ступени были скользкими, и я дважды чуть не уронил факел. Лестница оборвалась у массивной стальной двери, но шлема не было и здесь. Опять эти проделки субреальности! Сколько нужно пробыть здесь, чтобы начать понимать ее законы? Я прикоснулся к двери. Сталь была холодной, и от моего легкого касания дверь слегка отодвинулась. А ведь выглядела она неподъемно тяжелой! Ладно, будь что будет! Я толкнул дверь и вошел в нее.

Сначала я услышал звук капающей воды, но источника этого звука не было видно. В комнате было темно. Лишь небольшое пятно света от факела открывало мне пугающую картину по кусочкам, словно мозаику. Холодный каменный пол с бурыми пятнами. Стальной крюк, торчащий из пола. Массивная цепь, уходящая куда-то высоко под потолок. Как бы я ни старался поднять факел и взглянуть в темноту, я не мог разглядеть, к чему она крепится. Я сделал осторожный шаг вперед и почувствовал, как что-то уперлось мне в бедро. Повернув факел, я понял, что задел широкий стол. На столе были разложены металлические инструменты: ножи, свёрла, пила... В памяти промелькнули пугающие кадры из дешевых ужастиков про кровожадных маньяков, разделяющих своих жертв подобными инструментами на подобных столах.

– Помогите!

Что это? Голос был тонким и очень тихим. Я попытался понять, откуда он доносился, но в помещении было слишком мало света.

– Кто здесь? – мой голос показался мне дрожащим и испуганным. Мне действительно страшно? Может, я и не просыпался, и мой страшный сон продолжается? Или это все происходит наяву? Нет, наяву я сейчас где-то в небоскребе «Biotronics» спокойно сплю, подключенный к нейронету. А всё происходящее – всего лишь фантазия, субреальность. Субреальность, которая принадлежит Даниэлю Аллену. Даниэль Аллен, как он сам себя назвал, исследователь эмоций, спас нас и приютил на своем огромном подводном корабле. На котором за секретной лестницей есть настоящая камера пыток. А я доверился человеку, у которого есть такие... странные фантазии? И нахожусь сейчас в его личном мире под многотонной толщей морской воды? Вот теперь мне было действительно страшно!

– Помогите! – повторил слабый голос. Я сделал несколько шагов туда, откуда его услышал, и разглядел в свете факела неясную фигуру, которая по мере моего приближения к ней, становилась все более отчетливой. Маленькая девочка, ей не более лет шести, сидела в железной клетке, подвешенной к потолку на цепи. Она была напуганной и бледной, платье на ней, которое когда-то, похоже, было синим, сейчас было изорвано и перепачкано. Ее огромные серые глаза с мольбой смотрели на меня, а я совершенно не понимал, как ей помочь. Надо как-то вытащить ее отсюда! Нет, этого быть не может, это всего лишь сон! Или я просто материализовал свои страхи в субреальности Аллена! Эта лестница появилась только после того, как я подумал про рыцарский замок с тайными ходами! А девочка – это же героиня из какого-то страшного фильма, который я смотрел давным-давно и уже забыл! Я сам придумал всё это, и нейронет воплотил мои фантазии! Достаточно просто закрыть глаза, вдохнуть поглубже и понять, что всего этого нет.

Я закрыл глаза и начал считать секунды про себя. Раз. Два. Три. Четыре. Сейчас это должно прекратиться... Пять. Шесть.

– Господин Ник!

– А? – я резко вскочил с кровати. Большой и удобной кровати в каюте, в которой меня поселил Даниэль.

– Господин Аллен сообщил, что мне лучше разбудить вас в восемь, чтобы вы не пропустили завтрак. Он придерживается строгого распорядка времени на борту, и считает, что вы разделяете эту позицию.

– Да, Энн, да... Я уже одеваюсь.

На часах было восемь утра. Моя одежда была на вешалке. Когда я протянул к ней руку, она не исчезла, а я не оказался уже одетым. Реальность, пусть и созданная нейронетом, вернулась, и я был рад этому. Ночной кошмар медленно растворялся в глубинах моей памяти, но все же не исчезал бесследно. Почему-то я до сих пор чувствовал ответственность за то, что закрыл глаза. За то, что не помог этой маленькой девочке в клетке.

Сон. Это был всего лишь сон! Почему же я в этом сомневаюсь?

За завтраком наш разговор с Даниэлем не клеился. Вежливо поблагодарив его за гостеприимство, я размышлял о том, что даже если существует ничтожно малая вероятность того, что увиденное мной ночью действительно существует в этой субреальности, нам с Энн пора ее покинуть. Да и без этого задерживаться на корабле особых причин не было. В любой момент мое время в реальном мире, отведенное на интервью, может закончиться, и Эдвард Дарио отключит меня от нейронета.

– Вы сегодня неразговорчивы, Николас, – произнес Даниэль после того, как закончил завтракать. – Вас что-то тревожит?

– Нет, ничего, – соврал я. – Просто размышляю о дальнейших планах.

– Не думаю, что ничего! – Аллен отрицательно покачал головой. – Вы ведь вряд ли уже забыли про ваше ночное приключение.

Наши глаза встретились. Даниэль улыбался, но его взгляд был холодным и злым. Я открыл рот, но слова не могли сорваться у меня с языка. Конечно же, творец в курсе всего, что происходит в его субреальности! Даже когда мы с Энн упали в воду, он сразу же об этом узнал! Но это означает только одно – случившееся со мной ночью не было сном!

– Позвольте мне убереечь вас от ошибки, Николас! – голос Даниэля стал мягче, но от этого мне не было менее страшно. – Вы здесь новичок, и неправильно интерпретируете то, что видите. Я лишь хочу внести ясность.

– У вас в подвале... в какой-то дикой камере пыток находится девочка. Совсем ребенок! – выпалил я. – Что я неправильно интерпретирую?

– О, какая ярость! Успокойтесь, Николас, я не враг вам! Давайте спустимся вниз, я все вам покажу и объясню.

Винтовая лестница появилась из ниоткуда, прямо возле стола, за которым мы завтракали, и Даниэль жестом позвал меня за собой. Я последовал за ним, и Энн ничего не оставалось, кроме как присоединиться к нам. В этот раз холода не было, лестница была ярко освещена, да и ступени ее совсем не казались скользкими. Но когда Даниэль, идущий впереди нас, отворил дверь, мы действительно оказались в камере пыток, которая сейчас была ярко освещена. Все было так, как и ночью – цепи, крюки, клетка с маленькой девочкой и огромный стол с жуткими инструментами. Как оказалось, клетка была не одна – в комнате было пять таких клеток, подвешенных на цепях на разной высоте. Четыре с детьми разного пола и возраста и одна пустая.

– Как я уже говорил, я изучаю эмоции. – Даниэль медленно шагал по комнате, разглядывая клетки. – И проще всего мне изучать эмоции придумков.

Он подошел к клетке, которая висела ближе всего к полу. В ней сидела все та же испуганная девочка из моего ночного кошмара. Сейчас я смог рассмотреть ее получше. Растрепанные русые волосы, бледное лицо с большими серыми глазами, почти бесцветные дрожащие губы: она дрожала то ли от страха, то ли от холода, а ее глаза смотрели на меня все тем же умоляющим взглядом. «Помогите!» – прочитал я по ее губам, хотя она не произнесла ни звука.

– Эта девочка – придумок, – продолжил Даниэль. – Плод моего воображения. Вчера, пока вы осматривали мою галерею, я позволил ей испытать необычайные эмоции. Такие, каких она никогда в жизни не испытывала, и уже никогда не испытает. Уникальные! На ее глазах я аккуратно разрезал ее сестру-близнеца на кусочки, сохраняя ей жизнь настолько долго, насколько это было возможно. Как вы думаете, что чувствовала в это время она, зная, что завтра наступит ее черед?

– Вы сумасшедший, Даниэль Аллен! – я начал шепотом, но, набравшись уверенности, повысил голос. – Вы никакой не исследователь эмоций! Вы самый настоящий маньяк! Садист! Убийца!

– Стоп-стоп, поосторожнее с такими заявлениями, Николас! Вы же журналист! – Даниэль безмятежно улыбался. – Я – убийца? Кого же я убил? Убил плод моего собственного воображения? Может, вы назовете убийцами всех писателей, в чьих книгах погиб хотя бы один

персонаж? Шекспир убил Гамлета! Гюго повесил Эсмеральду! Эдгар По так вообще серийный убийца, верно?

– Это другое! – закричал я.

– Почему же? В чем, по-вашему, разница между ними и мной? Они убивали своих персонажей – и они великие творцы! Я убил своего персонажа – и я сумасшедший убийца?

Мог ли я усомниться в том, что прав? Для меня было очевидно, что происходящее здесь – это настоящий кошмар, созданный безумным воображением маньяка, и этот кошмар не имеет ничего общего с убийствами в литературе. Но с другой стороны, жертва убийства была придумком. Осудить Даниэля за действия в его субреальности – это всё равно, что осудить его за его мысли. Возможно, он каждый день мысленно убивал по маленькой девочке, но если бы не нейронет, кто бы смог это увидеть? В юности я мечтал о киноактрисах и фотомоделях, и если бы я тогда построил свою субреальность, то у меня нет сомнений в том, чем бы я там занимался. А если бы одна из тех, кто снился мне в эротических снах в то время, попала бы в мою субреальность, могла бы она меня обвинить в суде за мои материализованные нейронетом мысли о ней? Думаю, нет. Выходит, и я не вправе судить Даниэля. Все это было логично и неоспоримо. Почему же я сомневаюсь?

– Наверное... Наверное, вы правы, Даниэль.

В этот момент я принял решение покинуть субреальность Даниэля Аллена как можно скорее. Да, я не вправе судить его за воплощение его фантазий, но находиться в обществе человека с такими фантазиями мне не хотелось.

– Я рад, что мы друг друга поняли! – Даниэль снова улыбался, но от его радостной улыбки меня передергивало. – Вам просто трудно привыкнуть к законам субреальности. Собственно, я как раз думал приступить ко второй сестре. Вы можете составить мне компанию и понаблюдать за процессом, поверьте, это будет очень увлекательно! Но если вы откажетесь, я вас пойму.

Я молча вышел из камеры пыток. Нет, смотреть на это я точно не собирался. Пока наш гостеприимный маньяк делает свое мерзкое дело, нам с Энн стоит найти выход и покинуть этот подводный корабль. Можно сколько угодно осуждать обывателей с многочисленных тропических островков, но уж лучше так, чем...

– Помогите!

Та самая девочка из клетки. Она громко кричала, умоляла о пощаде, но ее голос становился все дальше и тише с каждым моим шагом вверх по лестнице. Я остановился, и Энн вопросительно посмотрела на меня. Энн... Всего лишь робот, которого я спас от хулиганов. Робот, обладающий личностью и сознанием. Как и та девочка в руках убийцы, будь она хоть тысячу раз придуманной! Мои логичные рассуждения о том, что не мне судить Даниэля, рассыпались с каждым ее криком. Я могу успокоить логикой свой разум, но не свою совесть. Я развернулся и пошел вниз.

Девочка была привязана к столу, а Даниэль, облачившись в белый халат и фартук, рассматривал свои инструменты. По-видимому, он размышлял, с чего бы начать, и не заметил, как я вернулся. Я решительной походкой направился к столу. Да, я нахожусь в его субреальности, но что он может мне сделать? Нейронет боится реалов от всех опасностей. Остановившись у стола, я взял какой-то длинный нож и начал резать веревки.

– Минуточку! Это как понимать, Николас? – голос Даниэля был скорее удивленным, чем злым, когда он, наконец, заметил, что я освобождаю его пленницу.

– А вот так, – я разрезал последний узел. – Хватит извращений!

– Николас, вы забываетесь! Вы забыли, что вы у меня в гостях? Что я спас вас?

– Ничего подобного. Мы все здесь в гостях. И не было никакой необходимости меня спасать – нейронет не мог причинить мне вреда.

– Вот как!? – Даниэль выпрямился и смотрел на меня испепеляющим взглядом. – Нейронет не может. Зато я могу!

Даниэль сделал резкий жест рукой, и я понял, что связан веревками так, что не могу пошевелиться. Маньяк медленно поднял руку, и словно какая-то невидимая сила подняла меня в воздух и повесила на одну из свисающих цепей.

– Это мой мир, Николас. – Даниэль осматривался по сторонам, разыскивая девочку. Пока он отвлекся на меня, она сбежала, но вряд ли могла покинуть комнату. – И я делаю здесь то, что хочу. Вы пошли против моей воли, вы освободили придумка, на которого у меня были свои планы. И знаете, о чем я сейчас думаю?

Я молчал, но маньяк продолжил, не дожидаясь ответа:

– О том, о чем я вам говорил! Эмоции реалов изучать намного интереснее, чем эмоции придумков. Раз уж вы освободили мою пленницу, то вы займете ее место! Такой эксперимент я провожу впервые, это будет незабываемо!

Я перебирал в памяти все способы выпутаться из веревок, о которых читал в книгах или видел в приключенческих фильмах. Надо было вдохнуть поглубже, когда он меня связывал, и тогда я сейчас мог бы выдохнуть и освободиться! Нет, уже поздно. А еще у героя может иногда оказаться в рукаве нож, с помощью которого он незаметно разрезает веревку и выбирается... Вдруг я почувствовал что-то у меня в рукаве. Нож? Действительно, нож! Аккуратное движение – и он сполз ко мне в ладонь. И тут меня осенило.

Здесь каждый и путешественник, и творец. Я – человек. Я – реал. И я – такой же творец, как и Даниэль. Это твой мир? Нет, Аллен. Это НАШ мир!

И в ту же секунду веревки рассыпались в пыль, а я оказался на полу прямо перед маньяком.

– О, а он быстро учится! – Аллен словно улыбнулся невидимому зрителю. Что-то вспыхнуло, подобно удару молнии, и в его руках появился старинный меч, и Даниэль бросился в атаку.

Отбив первый удар я понял, что в моей руке большой круглый щит. Кажется, я опять вспомнил какой-то фильм? Град ударов посыпался на меня. Я успевал их парировать, но противник теснил меня в угол комнаты. Бросив взгляд назад, я увидел за спиной железную деву. Ее створки медленно открывались, и я понял план Аллена. Вложив в удар всю силу, я оттолкнул Даниэля щитом, представляя, как он упадет и уронит меч. И он упал. Через секунду его оружие было уже в моей руке. Даниэль пытался подняться, но я бросился на него, прижал его к полу всем своим весом и приставил меч к его горлу. Краем глаза я увидел испуганную девочку, которая наблюдала за нашим боем, прячась под столом.

– Отлично, я сдаюсь! Давай, убей меня! – Даниэль рассмеялся мне в лицо. – Мы оба знаем, что в нейронете мы не можем причинить друг другу вред. Мы ведь реалы, Николас.

– Я победил, ты сдался! – прошептал я. – Отпусти нас с Энн. Я хочу покинуть корабль. И эта девочка пойдет со мной.

– Да конечно, забирай этого придумка и уходи! Я сегодня же создам ещё одну, но твоя совесть успокоится, верно?

Я понимал, что он прав. Но мне хотелось остановить его раз и навсегда. И я уже понял, как пользоваться нейронетом. Достаточно просто представить. Стены комнаты пыток рухнули, клетки попадали на пол, освобождая пленников, пыточные инструменты начали покрываться ржавчиной, и мы... тут же оказались в обеденном зале.

– Эй, полегче! Ломать – не строить! – возмутился Даниэль, который по-прежнему лежал на полу подо мной. – Охрана!

В комнату вбежало несколько десятков лакеев, вооруженных холодным оружием. Они окружили нас. Я заметил, что девочка тоже была рядом.

– Сложный выбор, Николас? Я сейчас прикажу им тебя схватить, обезоружить и бросить в камеру. Ты будешь сопротивляться? Убьешь их? Скольких придумков ты готов убить, чтобы спасти одного? Они ведь тоже обладают личностью и сознанием, не забыл?

Кольцо охранников Даниэля сжималось. В объективной реальности в подобной ситуации я бы сдался, но здесь я – реал, царь и бог нейронета, творец субреальности. Как оказалось, способный вмешиваться и в субреальности других. Наверное, я смогу убить их всех только силой своего желания! Но тогда Даниэль окажется прав – я убью несколько десятков разумных обитателей субреальности ради спасения одного. Они были уже близко. Еще пара секунд, и я буду схвачен. Решение пришло быстро.

– Да, ты прав. Я не буду их убивать, они этого не заслужили. Чего не скажешь о тебе.

Меч Аллена был фантастически острым. Я даже удивился, что он не смог повредить им мой щит. Одно резкое движение мечом – и отрубленная голова Даниэля отлетела в сторону. Он даже не успел удивиться – на его лице застыла довольная улыбка. Стеклопотолок вдруг покрылся паутиной трещин, и спустя секунду мощный поток воды хлынул в зал, смывая всё на своем пути. Всё, кроме маленького стеклянного шара, которым я окружил себя, Энн и спасенную девочку. С нарастающей скоростью шар помчался вверх сквозь толщу воды, оставляя тонуший подводный корабль.

– Почему вы это сделали, господин Ник? – впервые за всё это время напомнила о своем существовании Энн. – Вы ведь сами признали, что он прав. И, тем не менее, помешали ему!

– Эмоции, Энн. Я спас ее так же, как когда-то тебя. Но боюсь, тебе этого не понять.

– Кажется, я начинаю понимать понемногу.

– Опишешь их математическими формулами? – усмехнулся я.

– Я постараюсь. В мире нет ничего, что нельзя было бы описать математически.

Я не стал с ней спорить. Солнце, пятном света мерцавшее над головой, становилось всё ярче. Мы покидали субреальность Даниэля Аллена и мчались к поверхности.

Глава 4. Идеальный мир

Мы провели в море два часа. Мне удалось поговорить со спасенной девочкой-придумком. Все, что я узнал, это что ее звали Лизой, и она не помнила ничего о своем прошлом. Даниэль Аллен не затруднял себя придумыванием подробностей биографий своих жертв. Несмотря на то, что я спонтанно освоил способность творить неодушевленные предметы в нейронете, я пока не понимал, каким образом оператор может создать целую самостоятельную личность. Окружавший нас прозрачный шар, выталкиваемый водой, был пока что самым большим и долговечным объектом, который я создал.

Потому я вспомнил, что только что убил человека, и мне стало страшно. Но убил ли? В реальности этот удар стоил бы ему жизни, но здесь? Что произошло с ним здесь, когда его обезглавленное тело погрузилось на дно океана в тонущем подводном корабле? Чем больше я узнавал о нейронете, тем больше вопросов у меня возникало. Будет ли у меня возможность задать все эти вопросы Эдварду Дарио, когда мое путешествие по чужим фантазиям закончится? Или мне придется самостоятельно найти ответы?

– Земля!

– Энн?

– Впереди земля. Я уведомляю вас об этом.

Я вглядывался в горизонт, но различал только водную гладь, соприкасающуюся с безоблачным голубым небом. Одинокая птица высоко в небе медленно кружилась над нами. Не удивлюсь, если я сам ее придумал – мое сознание хотело добавить в этот однотонный голубой фон хоть какое-то разнообразие.

– Я ничего не вижу, Энн.

– Мои оптические сенсоры имеют гораздо более высокое разрешение в сравнении с вашими глазами, господин Ник. И они зафиксировали сушу на северо-западе отсюда.

Не знаю, имела ли значение мощность сенсоров Энн в нейронете. Ее искусственное сознание сейчас не получало от них сигналов, нейронет использовал свои системы ввода вывода как для нее, так и для меня. Да и утверждение про «северо-запад» в мире, где вряд ли работали привычные для меня средства ориентирования в пространстве, казалось мне неуместным. Но Энн – всего лишь робот, она вряд ли задумывалась над такими вопросами. У нее наверняка был встроенный компас, и нейронет наверняка подавал на него какой-то сигнал, обозначающий местный север. Что ж, пусть будет северо-запад! Всегда лучше двигаться куда-то, чем ждать течения. Стоило мне об этом подумать, как шар, разрезая волны, начал движение в ту сторону, которую Энн считала северо-западом.

Вскоре я действительно увидел землю, к которой мы быстро приближались. Картина нейронета, как огромного океана, на поверхности которого разбросаны острова-субреальности, казалась мне простой и логичной. Но если реальность здесь субъективна, то все ли видят ее так же? Может быть, это только для меня нейронет показывает многочисленные острова в океане, а для кого-то они выглядят, как планеты в космосе?

– Энн, что ты видишь вокруг? – спросил я.

– Я правильно понимаю, что слово «видишь» вы применяете к моим оптическим сенсорам? В данный момент я по данным с оптических сенсоров я оцениваю скорость, с которой мы приближаемся к суше.

– То есть ты, как и я, видишь остров на горизонте?

– Я интерпретирую полученные с сенсоров данные, и результат их интерпретации подходит под доступное мне определение слова «остров».

Остров был все ближе. На широком песчаном пляже было множество отдыхающих людей, а поодаль виднелся огромный город, который, похоже, занимал большую часть ост-

рова. Город был красивым и современным, пожалуй, даже немного футуристичным – высокие здания из стекла и бетона уходили высоко в небо и сияли отраженными солнечными лучами, а нижние этажи зданий было невозможно разглядеть – они скрывались в зеленых листьях. Небоскребы словно вырастали из настоящего живого леса, подобно деревьям-великанам, и лишь когда мы приблизились к берегу, я заметил, что это не лес. Зеленые насаждения складывались в сложный геометрический рисунок, созданный искусственно. Архитектор этого города был настоящим мастером своего дела!

Когда наш пузырь, наконец, выкатился на берег, я разрушил его одной мыслью. На пляже были сотни, если не тысячи людей, но никто не обращал на нас внимания, словно ничего необычного и не произошло. С другой стороны, что может быть необычного в реальности, которая полностью создается фантазией? Наверное, прожив здесь долгое время, привыкаешь уже ко всему. Недалеко от места, где мы причалили, несколько детей играли в воде огромным надувным мячом. Лиза с неподдельным интересом наблюдала за этой игрой. В ней не было никаких правил, не было проигравших и победителей, обычная детская игра, в которой важен был только сам процесс.

– Иди к ним, поиграй, Лиза! Ты ведь этого хочешь, – сказал я.

– А мне можно? – удивилась девочка.

– Конечно. Иди.

Весело хохоча, девочка побежала прямо в воду, забрызгав нас с Энн с ног до головы. Компания детей тепло приняла ее, хотя она и была самой маленькой из них. Дети наверняка были придумками. Я до сих пор не знал, как отличить придумка от реала, но Эдвард Дарио наверняка не стал бы ставить свои эксперименты с нейронетом на детях. Скорее всего, весь этот пляж со всеми отдыхающими – плод воображения местного творца. Нам с Энн стоило бы найти его и узнать побольше о его субреальности. Теперь, после случая с Даниэлем Алленом, я буду соблюдать осторожность. Какой бы красивой ни была обложка, я не знаю, что находится внутри. Оставив Лизу играть с детьми, мы с Энн отправились в город.

– Я думаю, создатель этой субреальности занимает пост лидера в этом городе. Мэр, президент, что-то такое. Как ты считаешь, Энн?

– Мой анализ человеческой психологии показывает, что вы наверняка правы, господин Ник. Наиболее вероятно, что человек, создавший этот город, является его градоправителем. Вряд ли он поручил бы эту роль придуманному персонажу.

– Если только он не махнул выше. Может, он считает себя местным богом, а все эти люди ему поклоняются?

– Не могу исключать и такой вариант, господин Ник.

– Тогда пойдем и проверим эти версии.

– У меня есть вопрос, господин Ник.

– Что такое?

– Вы оставили Лизу на пляже. Вы считаете, она в безопасности?

– Да, она в безопасности.

– Почему вы так считаете?

– Потому что... Мне трудно это объяснить, Энн.

– Понимаю. Это ваши эмоции.

Город был слишком идеален для моего воображения. Чистые улицы, приветливые прохожие, автомобили без шума и дыма. Здесь уж точно не натолкнешься на подростков, обижающих робота в подворотне! Приветливые прохожие охотно показали нам дом мэра, и даже проводили к нему. Пока мы шли по тротуарам к центру города, нам рассказали, что мэра зовут Луиза Вернер, она же является и главным архитектором города, и двери ее дома всегда открыты для гостей. Все указывало на то, что она и есть творец этой субреальности.

Дом мэра оказался двухэтажным особняком из белого камня, расположенным на высоком противоположном берегу острова, прямо у обрыва. Отсюда открывался замечательный вид на город, по-видимому, сама Луиза предпочитала смотреть на свое творение издалека. Попрошавшись с проводившими нас жителями города, я позвонил в дверь. Ответ не заставил себя долго ждать: дверь открыл робот-дворецкий. Прокрутив в голове весь проделанный путь через город, я понял, что это первый робот, которого я встретил в этой субреальности. Само собой, Энн была не в счет.

– Доброе утро, господин... Простите, в моей базе нет вашего имени! – искусственное лицо робота изобразило эмоцию сожаления.

– Ничего страшного, я в этом городе впервые. Я – Николас Вильфрид.

– Очень приятно, господин Николас Вильфрид. Вы можете войти в холл вместе с вашим дворецким.

– О, меня повысили до дворецкого! Ха-ха-ха! – проговорила Энн.

– Энн? Что это было?

– Люди используют для этого термин «шутка». Разве вам не понравилось, господин Ник?

– Меня это скорее удивило. Не думал, что ты умеешь шутить.

– Мое искусственное сознание быстро обучается. А я ведь исследую ваши эмоции.

Я не ответил. Недавнее знакомство с «исследователем эмоций» еще не настолько истерлось из памяти, чтобы продолжать разговор на эту тему. Робот поприветствовал нас фразой «доброе утро», значит, в этой субреальности было утро.

– Подскажите, пожалуйста, который час? – обратился я к дворецкому.

– Девять часов тридцать четыре минуты.

Я посмотрел на часы. «16:07» – уведомил меня циферблат. Машинально я протянул к часам вторую руку, чтобы исправить время на верное, но одернул себя. Я нахожусь в нейронете. Я – творец субреальности. Зачем мне руки, чтобы исправить время на циферблате? Цифры послушно сменились на «9:34».

– Простите, господин Вильфрид, но на этом острове такие действия не приветствуются, – прозвучал строгий женский голос. Я поднял взгляд и увидел Луизу Вернер. Молодая женщина в простом бежевом платье, аккуратно уложенные черные волосы, изящные черты лица, строгие карие глаза, слегка припудренные щеки, из ювелирных украшений – только скромное серебряное обручальное кольцо. Если бы я встретил ее на улице, я бы вряд ли подумал, что она – мэр и архитектор этого города.

– Действия? – переспросил я. Что она имела в виду?

– Изменения субреальности моими гостями. Вы не знали об этом, и потому я не буду с вами ссориться, – она улыбнулась, демонстрируя доброжелательность. – Но на будущее попрошу вас больше не менять здесь никаких мелочей, даже если это время на циферблате ваших часов.

– Но это были всего лишь мои часы. Не хочу вас обидеть, но, по-моему, они всё же часть моей субреальности, а не вашей?

– Вы у меня в гостях, и здесь действуют некоторые простые правила. Они одинаковы для всех, и я попрошу следовать им, пока вы не покинете город. Я не могу вас заставить, это только просьба. Надеюсь, вас не затруднит ее удовлетворить?

Я согласно кивнул. По-видимому, создать этот город, продумать его в мельчайших деталях и населить тысячами вымышленных жителей стоило этой женщине огромных усилий, и ее опасения можно понять. Вдруг какой-нибудь реал-путешественник испортит этот шедевр случайным изменением?

– Мы с Энн – всего лишь путешественники, которые изучают нейронет. В реальности я – журналист, который...

– Простите, что перебиваю вас, господин Вильфрид, но вы действительно хотите рассказать всю вашу историю, стоя в прихожей? Проходите в дом.

Луиза провела нас на второй этаж своего особняка. За чашкой чая, который, надо сказать, был отменным, я рассказал ей свою историю во всех подробностях, начиная от встречи с Энн в реальности и заканчивая путешествием к ее острову в непроницаемом шаре, созданном моим воображением. Единственное, о чем я не стал рассказывать, это о том, что я отрубил голову Даниэлю Аллену. Здесь я ограничился лишь короткой фразой вроде «и после этого мы сбежали». Луиза слушала мой рассказ внимательно от начала до конца, изредка задавая вопросы.

– Вы пережили невероятное приключение, господин Вильфрид. – заговорила она, когда я закончил. – Боюсь, мне нечего рассказать вам в ответ. Когда я попала сюда и освоилась с тем, как управлять субреальностью, я решила построить для нас этот уголок спокойствия и счастья. Мы живем здесь уже два года, иногда к нам заглядывают путешественники вроде вас, но никаких ярких приключений они не приносят. Хотя, нам здесь и не нужны никакие приключения.

– Вы несколько раз сказали «мы». Здесь есть еще другие реалы, кроме вас?

– Есть, но применение слов «реалы» и «придумки» в этом городе тоже не приветствуется. Здесь все жители равны и нет никакой дискриминации на основании того, является гражданин оператором нейронета или создан воображением этого оператора. Это настоящий город свободы и равенства, о таком не мечтал и Томас Мор.

– Вы воплотили в нейронете его Утопию?

– Этот город – и есть Утопия. Я буду рада, если вы захотите остаться в нем. Так поступают многие. Здесь каждый может заняться делом, которое ему по душе, развиваться, самореализовываться и жить счастливо.

– Почему вы создали этот город? Ну, то есть, почему именно город, и почему Утопия?

Из окна гостиной весь город был виден, как на ладони. Луиза некоторое время задумчиво смотрела в окно, наблюдая за радужным сиянием, сквозь которое различалась симметричная паутина улиц. По улицам медленно двигались потоки разноцветных бездымных машин, если присмотреться, можно было различить даже отдельных пешеходов.

– Потому что я хотела воплотить в жизнь то, что никому не удалось воплотить в реальности, – ответила она. – Я насмотрелась несправедливости в реальной жизни, и здесь ее не будет, пока я жива.

– А кем вы были в реальной жизни?

Улыбка исчезла с лица Луизы. Я не хотел затрагивать болезненную для нее тему, но откуда я мог знать, что мой вопрос сделает ее мрачной и грустной? Она молчала.

– Простите, я не хотел... – начал было я извиняться за свой неудобный вопрос, но Луиза перебила меня.

– Ничего страшного. Вы не знали... Вы... Вы просто вызвали неприятные воспоминания, с которыми мне в любом случае придется жить.

– У меня и в мыслях не было обидеть вас, если этот вопрос слишком личный, если он вызывает какие-то неприятные воспоминания, давайте просто сменим тему разговора?

– Нет, не нужно. Я расскажу. Это всего лишь прошлое, мне нет смысла его стыдиться сейчас. В этом городе это было бы неправильным. До того, как я стала добровольцем в эксперименте «Biotronics», я была нищей. Наркоманкой и проституткой из трущоб. Жительницей дна, увидев которую на улице, вы, благородный джентльмен и уважаемый журналист, перешли бы на другую сторону, чтобы я случайно не коснулась вашей дорогой и чистой одежды. Сейчас это в прошлом, и я – мэр и архитектор Утопии. А здесь ваше прошлое не имеет никакого значения. И в этом городе нет нищих.

– Этот город – настоящее произведение искусства, Луиза! У вас подлинный талант архитектора, градостроителя! По окончании эксперимента вас можно порекомендовать в любую крупную компанию, которая занимается строительством, уверен, что сам господин Дарио поручился бы за вас, увидев, какой шедевр вы создали с помощью вашего воображения. Все эти прекрасные улицы, здания, оптические эффекты... Это же архитектура будущего! Вы сможете воплотить это в реальном мире, и тысячи рабочих построят ваши шедевры! Созданные по вашим проектам города увидят миллионы, и восхитятся вашим гением!

– Тысячи рабочих, которые будут гробить свое здоровье за жалкие гроши, чтобы я наживала на этом славу и богатство? Вы совсем не поняли меня, господин Вильфрид! Когда один человек эксплуатирует тысячи ради воплощения своих фантазий, это несправедливо!

У меня было другое понимание справедливости, но мне не хотелось спорить с Луизой. Это был ее мир, в который она попросила не вмешиваться, и я уважал эту просьбу. Остается только исследовать этот мир, пока мое путешествие по нейронету не окончилось.

– Дадите нам возможность осмотреть Утопию во всех подробностях? Я хотел бы написать о ней в своем репортаже.

– Ну, если это так важно для вас, почему бы и нет? Я предоставлю вам работа-гида и вертолет, а вечером буду ждать вас на ужин.

– Всю черную работу в Утопии выполняют роботы?

– Именно так, но опережая ваш вопрос, сразу скажу, что роботы Утопии лишены сознания и личности. Они не такие, как ваша Энн, они просто следуют своим простым программам.

Допили чай мы молча. Несмотря на комфорт и спокойствие, которое царило в субреальности Луизы Вернер, одна мысль все сильнее беспокоила меня: я провел в нейронете уже не одни сутки, а в реальном мире у меня оставалось меньше часа времени на это путешествие. Конечно, время здесь течет субъективно, но насколько? Сколько часов в нейронете проходит за одну минуту в реальном мире? А может быть, дней? Лет? Насколько долго будет длиться для меня это путешествие?

Ответить на мои вопросы было некому.

Вертолетная прогулка над Утопией заняла три часа. Мы с Энн осмотрели город во всех подробностях и узнали о нем очень многое. В субреальности Луизы Вернер привычные законы физики не нарушались, и все конструкции, созданные ее воображением, можно было бы воссоздать и в реальном мире. Чем больше я смотрел на новые и новые ее конструкторские решения, тем больше восхищался ее воображением и талантом. Жаль, что она предпочла роль конструктора субреальности работе архитектора в реальной жизни! Я утешал себя мыслью о том, что эксперимент Эдварда Дарио рано или поздно закончится, после чего я попытаюсь найти Луизу и убедить реализовать ее талант в настоящем мире. Нельзя допустить, чтобы она вернулась к жизни нищей наркоманки!

Робот-гид действительно оказался лишенной искусственного сознания машиной, но он был в состоянии ответить на любой мой вопрос об Утопии. Вопросов было действительно много. Я узнал, что жители города могли заниматься любой деятельностью, какой пожелали, если она не приносила вреда другим жителям. Здесь не было привычных для нашего общества понятий о престиже – работа дворника была столь же почетна, как и работа журналиста или ученого. Единственным критерием выбора работы было собственное желание обитателя города. Если работа дворником делала его счастливым, если ему приятно было мести улицы и улыбаться прохожим, которые улыбались ему в ответ, то люди хвалили его выбор. И никто не считал, что его профессия более престижна или значима, чем какая-то другая. Это было общество, лишенное каких-либо предрассудков. Да, может, архитектуру этого города и можно было бы воплотить в реальном мире, но его социальное устройство было слишком идеальным.

Энн осматривала город с не меньшим интересом, чем я, но ее, похоже, интересовали совсем другие вещи. Если всё происходящее в нейронете фиксируется в ее памяти, то после выхода отсюда у нас будет потрясающий видеорепортаж! Что есть видеозапись полета над Утопией на вертолете, как не первая запись человеческой фантазии на цифровой носитель?! То, что мы сейчас делаем с Энн, войдет в историю вместе с самим изобретением нейронета! Когда я вышел из дома с мыслями о самом важном интервью в моей карьере я и не предполагал, насколько по-настоящему важным оно окажется!

Мысли о том, что всё произошедшее с нами с момента входа в нейронет записано в памяти Энн, не выходили из моей головы до самого момента возвращения в дом Луизы. Творец, архитектор и просто хорошая хозяйка ждала нас к обеду. И она была не одна.

– Рада, что вас так впечатлила Утопия. А сейчас пришло время познакомить вас с моей семьей.

Я не стал спрашивать, откуда она знает о моих впечатлениях. Такие вещи в нейронете уже не удивляли меня, хотя я до сих пор не до конца понимал, каким образом творец субреальности становится в ней всевидящим и всезнающим.

– Позвольте представить вам моего мужа Карла и сына Мартина. – Луиза жестом пригласила к обеденному столу. Карл был молчаливым, слегка полноватым мужчиной лет сорока, с добродушным лицом и искренней улыбкой. Мальчику же было около четырех лет, он сидел за одним столом со взрослыми на детском стульчике с длинными ножками, и был очень доволен этим. Я отметил, что Мартин был очень похож на мать, но не рискнул спросить, является ли ребенок реалом, чтобы не обидеть хозяйку. Маловероятно, что в эксперименте с нейронетом участвуют дети. Хотя бы просто потому, что их безудержная фантазия вряд ли смогла бы создать устойчивую субреальность. Похоже, Луиза и Карл решили завести ребенка-придумка в своей субреальности, что было бы проблематично для них в реальной жизни. В любом случае, мне стоит деликатно обойти эту тему в разговоре.

Но разговор за столом был и без того интересным. Луиза делилась планами по дальнейшей застройке острова, ведь количество жителей Утопии продолжало расти. Многие реалы, как оказалось, с радостью обустроили свою жизнь в этом городе, отказавшись от возможности творить собственную субреальность. Судя по всему, возможность создавать всё, что угодно, силами одной только фантазии оказалась для них менее важной, чем желание обычного человеческого комфорта в городе, где никто ни в чем не нуждается, и каждый может заниматься своим любимым делом.

В отличие от своего отца, Мартин оказался на редкость разговорчивым мальчиком, к тому же, умным не по годам. Он рассказал немного о себе, и я обрадовался, что верно угадал его возраст – четыре года. Но куда больше он интересовался нашим с Энн путешествием. Мартин очень удивился, когда узнал, что мы побывали на огромной подводной лодке. Конечно, я не стал рассказывать ему страшные подробности этого путешествия. Как и любому ребенку его возраста, Мартину было любопытно всё, и на меня обрушился град вопросов, отвечать на которые было не так уж и просто. Мне не сразу удалось вырваться из этого бесконечного потока «почему?» и «зачем?»

– Так значит быть журналистом – это так здорово?! – подвел итог своим долгим расспросам мальчик.

– Да, Мартин. Это здорово. Мне это очень нравится. А кем бы хотел стать ты, когда вырастешь?

– Я хочу стать космонавтом и улететь к звездам! – не задумываясь, ответил мой маленький собеседник.

– Ого, так далеко? А ты не боишься?

– Нет! Когда я вырасту, я ничего не буду бояться!

– Хватит, Мартин! – прервала наш разговор Луиза. – Господин Николас наш важный гость, и ему нужно отдохнуть от твоих расспросов.

– А Энн тоже нужно отдохнуть? Она ведь робот, а роботы не отдыхают!

– Совершенно верно, господин Мартин. Я не нуждаюсь в отдыхе. И могу продолжать отвечать на ваши вопросы, – ответила Энн.

– А посуду помыть ты мне поможешь? – радостно воскликнул Мартин.

– С удовольствием, господин Мартин.

Мальчик спрыгнул со своего высокого стульчика, поблагодарил мать за обед, взял со стола свою грязную тарелку и умчался с ней на кухню, забыв попрощаться с «важным гостем». Энн последовала за ним. Карл тоже покинул нас, вежливо поклонившись мне, и мы с Луизой остались наедине.

– Замечательный ребенок! – я отхлебнул чаю из своей чашки. – Он прямо как насто...

Я резко оборвал неудачную фразу, но Луиза прекрасно поняла, что я хотел сказать.

– Как настоящий? Но вообще-то, он настоящий. Реал, как вы говорите за пределами Утопии.

– Ребенок в нейронете с четырех лет? – удивился я.

– Мартин в нейронете с рождения. И это лучший мир, в котором он мог бы жить! Куда лучший, чем ваша «объективная реальность». Мы с Карлом решили, что он вырастет и проведет свою жизнь здесь.

Я не знал, что на это ответить. Ребенок, который никогда не увидит настоящего мира, потому что так решили его родители? Сделали за него выбор, который навсегда лишит его нормальной человеческой жизни? Это казалось мне каким-то безумием, чудовищным преступлением против личности. Не может же Эдвард Дарио допустить такое! Эксперимент не может длиться так долго, но... Мартину четыре года и он в нейронете с рождения? Неужели со старта эксперимента действительно прошло уже четыре года?!

– Но он же мечтает вырасти и полететь к звездам! – я едва не сорвался на крик. – Вы хотите лишить его этой мечты?

– Когда он подрастет, он, скорее всего, забудет об этой детской мечте. Если же не забудет, я создам для него такие звезды, о которых в вашем «реальном мире» никто и не мечтал! Это будет самый красивый космос для моего маленького космонавта!

– Но ведь это неправильно! Вы же лишаете его...

– Хватит! Любая реальность субъективна. Даже в вашем «реальном мире» люди живут своими иллюзиями. И некоторые рано или поздно это осознают. А если реальность субъективна, то разве имеет значение, настоящий ли мир вокруг тебя? Лучше быть бессмертными богами в субреальности, чем влачить жалкое существование в реальном мире. Наш ребенок никогда не узнает, что этот мир нереален. Именно по этой причине никому, кроме меня, не дозволяется творить в Утопии. А я делаю это только тогда, когда это не вызовет у ребенка лишних вопросов. Если вы считаете это аморальным или неправильным, то знайте, Николас, что ваше понимание «правильного» столь же субъективно, как и эта реальность!

– Вы сами слишком увлеклись своими иллюзиями, Луиза! Вы совсем забыли, что эксперимент «Biotronics» с нейронетом рано или поздно закончится, и потому всему вашему плану не суждено сбыться. Всех испытуемых отключат от нейронета, выплатят гонорар за участие, поблагодарят и прощаются с ними. И вы вернетесь в реальность, которую так ненавидите, что готовы лишить своего родного сына нормальной жизни! Хотите вы этого или нет!

Луиза громко рассмеялась в ответ. Мне стало не по себе от этого смеха. Подобно Энн, лишенной эмоционального модуля, я не мог понять, что он означает, но интуиция подсказывала мне, что ничего хорошего.

– Нет, Николас, я не питаю иллюзий, – сказала Луиза неожиданно серьезным голосом. – Я самая трезвомыслящая реалистка во всем нейронете. И я знаю, что этот эксперимент никогда не кончится. Из нейронета нет выхода. Смириться с тем, что вы останетесь здесь навсегда.

Глава 5. Сказочный берег

Я принял решение покинуть Утопию как можно скорее. Мне хотелось скрыться, сбежать отсюда, уплыть как можно дальше и забыть всё, что произошло. Я не хотел верить в то, что сказанное Луизой было правдой, но почему-то чувствовал, что это так. В том, что Мартин здесь с рождения, я не видел смысла сомневаться. Значит, эксперимент длится уже не один год. И «Biotronics» успешно скрывали этот эксперимент не менее четырех лет, пока кто-то не проболтался о нем. Слух дошел до редакции, и меня отправили на интервью, с которого я не вернусь.

Ну уж нет! Вернусь! Если Луиза не знает способа покинуть нейронет и не пытается его искать, то я наверняка найду! Не может быть, чтобы не был предусмотрен выход отсюда! Но чтобы найти выход, надо рассуждать логично и последовательно. Эдвард Дарио заманивает добровольцев в нейронет, из которого нет выхода. Зачем он это делает? У Энн должна быть полная запись интервью, но одну его фразу я помнил хорошо: «Если говорить о передаче информации из сознания в сознание, то я могу сейчас сказать, что это уже в прошлом. Несмотря на то, что эта технология не получала никакой огласки, она используется уже больше десяти лет».

Возможно, эксперимент длится уже больше десяти лет. Значит, кто-то из реалов находится в нейронете уже больше десяти лет! За это время уже можно изучить все особенности, все лазейки, осмотреть все субреальности. Если, конечно, этот реал не предпочел десять лет поедать фрукты на райском острове. Но даже если хотя бы один из ста обитателей нейронета заинтересован в чем-то большем, чем удовлетворение своих самых примитивных потребностей, я рано или поздно встречу с ним и найду общий язык! Не думаю, что все подопытные смирились с тем, что им придется провести всю свою жизнь здесь. Пока у меня нет другого плана, я буду искать здесь единомышленников!

Я не попрощался с Луизой и нарушил ее правило, создав себе моторный катер, на котором покинул остров. Я уже освоил умение материализовывать что-то, что я когда-либо видел раньше. Это было несложно, достаточно было просто представить нужный предмет и мысленно поместить его на нужное место. Я понял, что нейронет самостоятельно «дорисует» необходимые мелкие детали, внутренние механизмы и прочее, даже если творец не разбирается в них. Скорее всего, искусственный интеллект нейронета находил ближайший аналог представляемого творцом предмета из реального мира и просто приводил его устройство в соответствие оригиналу. Как обстояли дела с предметами, которые были абсолютным порождением фантазии и не имели аналогов в объективной реальности, я не знал.

– Нам нужно выбираться отсюда, Энн! – начал я, когда катер отчалил от берега и начал набирать скорость. – Госпожа Вернер сказала, что покинуть нейронет невозможно. Что ты об этом думаешь?

– Я предполагаю, что если сюда есть вход, то должен существовать и выход, господин Ник – ответила Энн. – Мой анализ эмоций госпожи Вернер показал, что она не нуждается в выходе отсюда, не пытается его найти, и потому может иметь мнение, что выхода нет. Но ее мнение не обязательно является истиной.

– Я тоже так считаю. Как ты считаешь, нейронет обладает искусственным сознанием? Вроде твоего?

– Это не вызывает у меня сомнений, господин Ник.

– Вот как! Почему ты так считаешь?

– Любой из так называемых «придумков» управляется искусственным сознанием. Это очевидное для меня объяснение тому, что каждый придумок обладает самостоятельной личностью, хоть и является изначально просто материализованным в субреальности плодом вооб-

ражения реала. Когда реал создает придумка и отпускает его в самостоятельную жизнь, придумок переходит под контроль искусственного сознания нейронета. В противном случае, он бы не мог обладать собственной, независимой от своего создателя, личностью.

– То есть, если я захочу обратиться к искусственному сознанию нейронета и потребовать выпустить нас, мне нужно обратиться к любому из придумков?

– Не уверена. Скорее всего, искусственное сознание придумка создается самокопированием искусственного сознания нейронета. Но копия явно имеет сильно ограниченный функционал, и не может обладать большими знаниями, чем было предусмотрено творцом. Прохожие из Утопии обладали знаниями о городе, но они не могли знать о том, что произошло с нами в субреальности господина Аллена, а вот Лиза знала историю подводной лодки, но не знала ничего об Утопии. Сознание нейронета должно обладать всеми этими знаниями одновременно. Знаниями о каждой субреальности, каждом придумке, каждой материализованной фантазии каждого творца. Это должен быть колоссальный суперкомпьютер, у которого нет аналогов в мире. Способный в полном смысле слова учитывать всё.

Я задумался над словами Энн, но план действий так и не вырисовывался. Катер двигался вперед, в океан. Скорее всего, мы уже покинули субреальность Луизы Вернер, так что рано или поздно нам предстоит столкнуться с каким-то новым порождением чьего-то воображения. Несколько раз я замечал в стороне от нашего курса «клонированные» тропические острова с их обитателями, одинокая птица кружилась высоко в небесах, ярко сияло солнце, бесконечный океан впереди и всё. Эту птицу я уже замечал раньше в небе. Эту или другую, точно такую же? Такое впечатление, что она просто нарисована на неподвижном твердом небосводе. Вспомнилось, что когда-то давно люди представляли твёрдую небесную сферу, на поверхности которой нарисованы звезды...

Меня осенила догадка! Каким бы огромным не было пространство нейронета, включающее все субреальности его операторов, оно имеет границу! Суперкомпьютер может иметь огромные объемы памяти, вмещающие все это, но эти объемы не бесконечны! Если составить карту этого огромного океана, нанести на нее все острова, континенты, города, реки, то эта карта не будет бесконечной. Где-то у нее будет край! Что будет, если мы с Энн будем долгое время плыть на катере вперед и вперед, и достигнем этого края? Упрёмся в невидимую стену? Свалимся с «края земли» в пропасть? Или за этим краем нас будет ждать выход?

Я не мог знать ответа на этот вопрос, но теперь у меня появился план. Нужно во что бы то ни стало найти этот край и хотя бы попробовать его преодолеть! Может быть, моя догадка неверна, и ничего не произойдет, но, по крайней мере, я попытаюсь!

Я настолько обрадовался своей идее, что совсем не смотрел по сторонам, и не заметил приближающейся опасности. Мощный взрыв вернул меня к реальности... Точнее, к субреальности, в которую мы незаметно приплыли во время моих размышлений. Субреальности, населенной крылатыми огнедышащими тварями из старинных легенд и сказок! Огромный, покрытый блестящей серебристой чешуей, дракон сделал круг над нашим пылающим катером, и разбил его надвое еще одним огненным шаром из своей пасти.

Я не помню, как оказался на берегу. Похоже, я был оглушен вторым взрывом, и Энн вытащила меня из воды. Что это было? Я попытался подняться, но мне это не удалось: головокружение, звон в ушах, разноцветные круги перед глазами, из-за которых я не видел ничего дальше собственного носа... Хорошо, что в нейронете нельзя умереть! Да, я вспоминаю, нас атаковал дракон. Самый настоящий дракон, с крыльями, чешуей, красными глазами и огнедышащей пастью. Очевидно, теперь я нахожусь в воображении какого-то любителя фэнтези. Надо готовиться к встрече с эльфами, гномами, рыцарями, волшебниками, что там еще? А вот местный творец наверняка не скучный обыватель, который готов оставаться здесь вечно. Таких-то я и ищу!

Я протер глаза и понял, что мы с Энн не одни. По всему берегу были разбросаны деревянные обломки, обрывки парусов и снастей какого-то корабля времен Колумба. Похоже, дракон атаковал не только наш катер, но и какой-то крупный парусный корабль. Выживших было немало, я сбился со счета на третьем десятке. Яркая компания, напоминающая массовку из высокобюджетного фильма про пиратов. Кривые сабли, пороховые пистолеты, рваные промокшие рубашки, у одного деревянная нога, у другого – глаз закрыт черной повязкой... Ненадолго мне даже стало жутковато находиться в такой компании, но я одернул себя. Скорее всего, все они – придумки местного творца, которого мне стоит поискать.

– Слушайте все, и не говорите, что вы не слышали! Подлые злодеи, кровожадные пираты, грабители и убийцы! Сегодня вам дается шанс искупить свою вину!

Я не мог понять, откуда звучат эти слова. Жертвы кораблекрушения изумленно мотали головами в поисках источника голоса, но никто его не видел. Голос продолжил:

– Его Величество Джонатан Справедливый, Властитель Южного Берега, Говорящий с Драконами, Знающий Тайны, Созидающий Леса и Горы, готов простить и помиловать того из вас, кто первым доберется до его величественного замка в Лесу Тайн, преодолев все испытания и опередив всех своих соперников! Но торопитесь – помилован будет только один из вас! Все остальные по приказу Его Величества будут казнены на рассвете, если всё еще будут живы!

Да, у местного творца, похоже, нет проблем с самооценкой! «Созидающий Леса и Горы», да, это определенно он! И, похоже, он задумал какую-то игру на выживание со своими придумками. Ну, нас с Энн это точно не касается. Надо просто материализовать вертолет, прилететь в этот «замок в Лесу Тайн» и переговорить с ним. Я представил вертолет, на котором мы осматривали Утопию, и... Ничего. Совсем. Я не мог создать вертолет, как бы подробно я не пытался его представить. По какой-то причине моя способность творить здесь не работала!

– Что он сказал?

– Что выживет только тот, кто первым доберется до его замка!

– Чертовщина какая-то! Нам надо держаться вместе!

– Ты что, не слышал? Выживет только один, все остальные будут казнены! Теперь каждый сам за себя!

– Ты что, пьян, Рид? После всего, что мы пережили?

– Вот дьявол! Порох промок!

Среди пиратов завязалась драка. Недавно пережившие гибель своего корабля, теперь они схватились за сабли и пистолеты, чтобы стать «тем, кто первым доберется до величественного замка в Лесу Тайн». Некоторые уже лежали, сраженные своими недавними собратьями. Те, кто был похитрее, уже убегали в сторону леса, который был отделен от моря узкой полоской песчаного пляжа, где продолжался бой. Один из пиратов мчался в мою сторону с безумным криком и перекошенным от ярости лицом, размахивая огромным ятаганом над головой. Я уже приготовился защищаться, оглядываясь по сторонам в надежде найти какой-нибудь обломок, которым я мог бы парировать удар, но мой противник вдруг рухнул на песок в двух шагах от меня, застреленный кем-то в спину. Лязг оружия, крики, редкие выстрелы – совсем недавно тихий пляж теперь превратился в кровавое поле битвы. Значит, вот как развлекается местный творец? Чем это лучше развлечений Даниэля Аллена? Стоит ли мне искать контакта с таким человеком?

Я на всякий случай подобрал ятаган, который выронил убитый пират. Больше в мою сторону никто не бежал, соперники были слишком заняты друг другом. Еще один катер вот здесь, рядом с берегом! Нет, не выходит... Герметичный шар! И снова ничего... Я был лишен своей способности творить, и ничего не мог с этим поделать.

– Что будете делать, господин Ник?

– У нас нет выбора, Энн. Я не хочу принимать правила этой дурацкой игры, но по какой-то причине у меня не получается творить. Остается одно – идти в этот Лес Тайн и искать

хозяина этой субреальности. В любом случае, в отличие от придумков, нас с тобой нейронет убить не может, и нам нечего бояться.

– Если вы не боитесь и уверены в своей неуязвимости, почему вы готовились к драке с этим бандитом? И зачем вы взяли его оружие?

Действительно, почему я это сделал? Инстинкт самосохранения, рефлекс из реального мира, привычки... Можно ли полностью избавиться от них в нейронете? Я посмотрел на часы на руке – они не показывали время. Выглядят так, словно они промокли или в них батарея села. И даже это я не мог исправить с помощью небольшого изменения субреальности! Лишенный своих недавно обретенных способностей, в чужом агрессивном мире, я не знал точного времени, но точно знал, что его не стоит терять.

Бросив последний взгляд на окровавленный прибрежный песок, я отправился в лес.

В лесу стояла гнетущая тишина. Удивительные деревья самой разнообразной формы, от карликовых до высочайших, сплетались ветвями в почти что непроницаемую стену, с обеих сторон ограничивающую узкую тропинку, которая вела нас к неизвестности. «Лес Тайн» не оставлял нам возможности свернуть с этой тропинки ни на шаг, по-видимому, таков был замысел местного творца. Я попытался отклониться от заданного им курса, но все попытки прорубить себе другой путь ятаганом ни к чему не приводили – на это ушли бы долгие годы. Выбора не было. Мы углублялись в чащу все дальше и дальше, а я размышлял о том, почему не вижу ни одного пирата, который последовал бы по этой тропинке. Кроны деревьев вскоре сомкнулись над головой. С каждым шагом солнечный свет становился все менее ярким. Если это будет продолжаться, то скоро нам придется идти вслепую.

– Добрые путники, спасите, помогите!

Голос принадлежал мальчику лет десяти. Он появился словно ниоткуда прямо перед нами, а за его спиной тропинка делала развилку. Наконец-то появился какой-то выбор!

– Что случилось? – машинально спросил я.

– Мы с сестрой собирали ягоды в лесу, и вдруг на нас напал страшный и злой людоед! Он схватил мою младшую сестру и утащил ее в чащу леса, а мне удалось убежать! Помогите мне! Победите чудовище и спасите мою сестру!

Испуганный маленький мальчик в одежде из мешковины. В руках мешочек с ягодами. Да, убегая от страшного и злого людоеда, он его почему-то не выронил. Очевидно, это придумок, и, на мой взгляд, не самая удачная работа. Ну что же, мне не первый раз спасать маленьких девочек! Надеюсь, он проводит нас к замку этого Джонатана Справедливого после того, как я убью людоеда. Хотя...

– Энн, напomini, что там сказал местный король?

Энн включила запись:

– «Его Величество Джонатан Справедливый, Властитель Южного Берега, Говорящий с Драконами, Знающий Тайны, Созидающий Леса и Горы, готов простить и помиловать того из вас, кто первым доберется до его величественного замка в Лесу Тайн, преодолев все испытания и опередив всех своих соперников! Но торопитесь – помилован будет только один из вас! Все остальные по приказу Его Величества будут казнены на рассвете, если всё еще будут живы!»

– Выходит, нам надо добраться до этого Величества раньше всех этих пиратов, которые дерутся на берегу?

– Некоторые из них не участвовали в драке, а сразу отправились в лес, господин Ник. Мне кажется, если наша цель – обогнать их, то отклоняться от курса неразумно.

Энн была права. За исключением того, что эта игра в догонялки по лесам явно задумана королем Джонатаном, как соревнование придумков. Нас ждет встреча с очередным любителем странных развлечений.

- Думаю, мы можем позволить себе не играть по этим правилам, Энн, – сказал я.
– Так вы поможете мне? Спасете мою сестру? – в голосе ребенка появилась надежда.
– Поможем, поможем! – ответил я. – Показывай, где тут этот людоед живет!

Мальчик показал пальцем одну из двух тропинок. Значит, нам направо. Ну что же, пусть будет так.

– Я останусь здесь, мне страшно идти туда! – прошептал мальчик. – Спасите мою сестру, пожалуйста!

Кивнув ему, я отправился направо. Дом людоеда я увидел минут через пять. Все как в страшной детской сказке – покосившаяся крыша, стены из необработанного камня, огромная железная дверь, решетки на окнах. Из трубы на крыше шел густой черный дым. Надеюсь, он не успел съесть девочку, которую я иду спасать? Хотя, по законам жанра он должен сначала печь растопить, воды вскипятить да нож наточить. Думаю, успеем!

– Ну что, Энн, убьем людоеда? – я подмигнул роботу и толкнул дверь. Несмотря на то, что она была метра три высотой, она открылась легко. Я вошел внутрь, сжимая ятаган двумя руками. Я не чувствовал никакого страха, зная, что субреальность не может меня убить. И само собой, людоед-придумок будет только выглядеть грозно и страшно, но навредить мне никак не сможет!

К сожалению, разглядеть «грозного и страшного» людоеда я не успел. Яростный крик, сильнейший удар полутораметровой дубиной, резкая боль в голове... И свет погас. Какая глупая смерть! Постойте, я же не могу умереть! Или я все же умер? Но если я умер, почему продолжаю рассуждать? Что происходит?

Ответа не последовало. Абсолютная темнота. Полная тишина. Если «небытие» и существовало в этом мире, то сейчас я находился в нём. И я понятия не имел, что мне делать дальше!

Мне всегда удавалось хорошо чувствовать время. Каждый удар моего сердца, каждый мой вздох отмерял секунды с поразительной точностью. Но здесь у меня не было ни сердцебиения, ни дыхания. Я пытался считать секунды, но быстро потерял счет времени. Мне стало страшно. А вдруг я проведу остаток жизни вот так, в темноте и тишине, наедине только с собственными мыслями?

Я снова попытался творить. Хотелось создать хотя бы небольшой источник света, маленькое светящееся пятнышко, разрушающее эту непроглядную тьму. Нет, это слишком абстрактно, нейронет не найдет в своей базе ничего подобного, надо конкретное желание. Небольшую лампочку накаливания вот здесь. Ничего не произошло. Может быть, она появилась, но не горит? Ведь ей нужен источник тока! Я протянул руку, чтобы нащупать лампочку передо мной... Точнее, попытался протянуть руку, и понял, что я не ощущаю собственного тела. Словно его не было. Здесь не было ничего, кроме моего сознания в пустоте! Ладно, лампочка – плохой вариант, как насчет свечки? Горящая свеча вот здесь, передо мной, ну же! Ничего. Совсем.

Страх и отчаяние становились все сильнее. Надо было быть осторожнее еще тогда, когда я понял, что не могу творить! Если это свойство, которым наделен каждый реал, не действовало ни на пляже, ни в лесу, то стоило бы предположить, что в этой субреальности всё устроено как-то иначе! И что же мне теперь делать?

Яркий свет внезапно ослепил меня. Я машинально закрыл глаза руками... Руки! Я снова чувствую руки! Спустя мгновение я понял, что сижу на полу в доме людоеда и радостно рассматриваю собственные руки. Состояние, в котором я находился по ощущениям целую вечность, прошло! Что бы это ни было, это кончилось!

– Вы в порядке, господин Ник?

Энн рядом. Я осмотрелся – огромный дубовый стол, который был высотой мне до подбородка, стоял в центре комнаты. Третью комнату занимала глиняная печь. Похоже, именно

она была источником дыма из трубы. Повсюду в комнате были следы недавней битвы, перевернутые стулья-великаны, разбитая посуда, слетевшая с петель дверь. А под столом лежал поверженный людоед. Его жуткое лицо с кривыми зубами, выпученными глазами и спутанной бородой было перекошено предсмертным ужасом. Да, он был мертв. Людоед лежал на полу с зияющей дырой в груди, словно его прожгло насквозь влетевшей в окно шаровой молнией.

– Что здесь произошло? Он... Он мертв? – я не мог поверить собственным глазам, к которым едва вернулось зрение.

– Да, он мертв. Я его убила, господин Ник.

– Ты?! Как?

– При помощи материализации мыслей, господин Ник. Мои электронные импульсы создают такой же выходной сигнал для нейронета, как и ваши. По этой причине я, как и вы, имею способность творить. Как оказалось.

– Но я не могу творить! Все мои попытки что-либо создать в этой субреальности ни к чему не приводили! Я хотел создать для нас вертолет, но ничего не вышло!

– Ничего не вышло потому, что вы попытались материализовать предмет, который не соответствует реалиям этой субреальности. Подумайте сами, господин Ник, разве в мире волшебных лесов и королевских замков, населенном драконами и людоедами, уместен вертолет? Скорее всего, творец этой субреальности строго ограничил список предметов, допустимых для появления в его мире. Чтобы никто не портил его сказочный замысел.

– Но как ты тогда убила людоеда?

– С помощью волшебства. Я метнула в него огненный шар. В моей памяти есть данные о том, что такое оружие существует как в тематической литературе, так и в компьютерных играх подобного жанра. Субреальность не заблокировала мою способность сотворить то, что в ней уместно.

– Если робот Энн решила считать себя волшебником, то пусть так и будет...

– Именно.

– А что произошло со мной?

– Вы были мертвы и не могли продолжать бой, господин Ник. Пока я его не закончила нашей победой. Тогда нейронет, исходя из правил этой субреальности, вернул вас на поле боя.

Страшно было представить, что бы нас ждало, если бы бой закончился иначе. Похоже, это зависело только от замысла местного творца. Каким-то образом он создал не только субреальность своей мечты, но и систему правил и ограничений для реалов, которые в нее попали. В Утопии тоже были ограничения, но это другое. Луиза Вернер попросила меня не творить, но я по-прежнему был способен это делать. И когда мы с Энн покинули ее остров, я смог создать катер, несмотря на ее просьбу. Здесь же действовали строгие правила, и, похоже, придется в них разобраться. Вскоре мои мысли вернулись к тому, зачем мы здесь:

– Энн, мы же хотели спасти девочку от людоеда, верно? Ты видела ее?

– Нет, господин Ник! Как только я расправилась с людоедом, вы вернулись к жизни. Я не успела осмотреть дом.

– Тогда давай сделаем это вместе!

Я поднялся с пола, и мы начали осматривать жилище людоеда. Похищенная девочка нашлась быстро: злодей спрятал ее в подвале. Мы осторожно вытащили испуганного ребенка. Я прикрыл ей глаза ладонью, чтобы она не увидела труп людоеда и не испугалась, после чего мы осторожно вывели ее из дома. Когда мы оказались снаружи, я смог рассмотреть девочку: простой сарафан, лапти, обычная деревенская девочка из народной сказки. С русыми волосами, немного бледным лицом и испуганными огромными серыми глазами... Не может быть!

Передо мной была Лиза.

Мы оставили Лизу в Утопии. Я не стал возвращаться за девочкой, созданной фантазией безумного садиста Даниэля Аллена. Нейронет был ее домом, местом, где она родилась, и которое она не сможет покинуть. Уходя из Утопии, я понял, что для нее будет лучше остаться в этом городе мечты. Она могла там вырасти, найти друзей, любовь, освоить какую угодно профессию, прожить длинную и счастливую жизнь. Да, ненастоящую жизнь, но на другую она не могла рассчитывать. Потому меня не мучила совесть, когда я оставил ее играть с детьми на берегу. Этот город был устроен идеально, и его общество позаботилось бы о девочке из другой субреальности лучше, чем это смог бы сделать я. А сейчас мы снова спасли Лизу из лап чудовища. Что это может значить? Я не стал обсуждать это с Энн при девочке.

– Тебя ведь зовут Лиза, верно? – прошептал я.

– Откуда вы знаете? – ее голос был тем же самым. Неужели она меня не помнит?

– Я знаю. Мы с Энн... добрые волшебники! И мы отведем тебя к маме!

– У меня нет мамы!

Да, неосторожные слова для доброго волшебника.

– Мы отведем тебя домой. У тебя ведь есть дом, Лиза?

Девочка кивнула. Я взял ее за руку, и мы вместе зашагали по тропинке назад, к развилке. К моему удивлению, ее старший брат нас не дождался. Возможно, услышав шум битвы с людоедом, он испугался и убежал. Его трудно было осудить за это.

– Лиза, ты знаешь о замке короля Джонатана? Ты живешь где-то недалеко от него?

Девочка кивнула в ответ на оба вопроса. Это укладывалось в мои представления о том, как все должно быть устроено в этом мире. В лесу стоит замок короля, вокруг – деревушки его подданных, а еще дальше – лес. Король защищает свой народ от набегов врагов, народ кормит короля и его свиту. Девочка живет со своим братом в деревне. Они собирают в лесу ягоды. Родителей, похоже, у них нет.

Стоп! А что, если Лиза – не плод воображения Даниэля Аллена? Что если он посетил эту субреальность во время своих подводных путешествий? Драконы не заметили его, так как его корабль пришел под водой. Потом он высадился на берег и исследовал Лес Тайн, добрался до окрестностей замка и увидел там двух девочек. Скорее всего, их было трое: брат и две сестры. Он похитил их или обманом заманил на свой корабль, после чего сестра Лизы была убита, а саму Лизу спас я. Я расстался с девочкой в Утопии, она пропала из моего поля зрения, а позже я покинул субреальность Луизы Вернер. Возможно, после этого искусственный интеллект нейронета решил, что надо вернуть Лизу домой и очистить ее память. А может, сам король Джонатан создал пропавшую девочку заново, и я сейчас говорю уже с другой Лизой, точной копией той, что я спас? Каким бы ни было объяснение этого странного факта, оно наверняка существует и вполне логично. Нейронет – сложная интеллектуальная система, оперирующая воображением людей, и хотя воображение ничем не ограничено и не подчиняется никаким законам и ограничениям, для нейронета эти законы и ограничения наверняка существуют. И поняв их, я смогу найти выход. Хорошо, что рядом есть Энн. Она намного ближе к искусственному интеллекту нейронета, чем я. Я так вообще не специалист в этой области. Но если для того, чтобы выбраться отсюда, придется им стать, то я к этому готов. И приложу к этому максимум усилий.

Дальнейший путь через лес был долгим, но прошел без встреч и приключений. Я сильно устал и еле волочил ноги. Еще бы! Я успел сегодня умереть, после чего пройти пешком километров двадцать! Мне сильно хотелось спать, ведь последний раз я спал на борту подводного корабля Даниэля Аллена. Как давно это было? Сколько времени прошло с тех пор? Я не знал этого.

Наконец, мы вышли из леса и поднялись на небольшой холм. Было уже темно. С вершины холма в лунном свете я увидел «величественный замок» Джонатана Справедливого. Да, поспорить трудно, замок и правда был величественным! Белокаменные стены уходили

высоко в ночные небеса, казалось, что смотровые башни касались звезд, а сам замок сиял светом тысяч факелов, мерцавших из каждого, даже самого маленького окошка. Несмотря на усталость и желание скорее добраться до короля, я задержался на пару минут, чтобы полюбоваться этим фантастическим зрелищем. Удивительно, что такой огромный замок не было видно с берега, хотя это можно списать на волшебство Леса Тайн.

– Кажется, мы пришли, Энн. Надеюсь, Джонатан Справедливый окажется настолько же справедлив, насколько величественным оказался его «величественный замок»!

– Значит, говорите, людоеда победили? – стражник смерил нас недоверчивым взглядом. – А где же доказательства?

– У нас есть свидетель! – быстро сообразил я. – Вот эта девочка – Лиза! Мы спасли ее из лап людоеда, и она видела, что мы его победили.

Лиза кивнула и тут же спряталась за меня, испуганно глядя на представителя местной власти. План «просто пройти в ворота замка и поговорить с королем» оказалось не так уж и просто выполнить.

– Деревенская девочка? – стражник рассмеялся. – Вот если бы вы принесли мне голову людоеда, я бы вам поверил!

Вот еще головы воображаемых чудовищ я с собой не таскал! Местный творец совсем заигрался в короля, и теперь нам с Энн надо оправдываться перед придумком, чтобы попасть к нему на приём. Как бы убедить этого закованного в латы здоровяка, что мы – настоящие герои и спасители детей? Не топтать же ночью снова через весь лес за головой мертвого людоеда! А потом еще и обратно! Решение проблемы неожиданно нашла Энн:

– Как смеешь ты, страж, сомневаться в словах Великих Магов из Дальних Миров, которые прошли через Безбрежный Океан и Лес Тайн, чтобы поговорить с твоим королем, как с равным! Или мне превратить тебя в лягушку, в назидание всем другим, кто осмелится остановить мага на его пути?

Энн сказала это так выразительно и таким громким и властным голосом, что даже мне стало немного не по себе. Лицо несговорчивого стражника побледнело. Очевидно, перспектива стать лягушкой ему совсем не нравилась, но выслужиться перед Его Величеством было необходимо.

– Отведи нас к Его Величеству, и он вознаградит тебя за службу! – добавил я самым важным тоном, на который был способен.

Секунд пять стражник молчал, словно потеряв связь с реальностью, после чего ответил:

– Следуйте за мной, дорогие гости! Дорогу! Дорогу гостям Его Величества!

Лиза, проводившая нас до ворот, последовала за нами. Похоже, она впервые оказалась внутри замка, а вскоре нас ждал приём у короля.

Глава 6. Королевский приём

Тронный зал был великолепен. Массивные резные колонны подпирали его высокие своды, расписанные сценами битвы рыцарей с драконами и другими сказочными сюжетами, которые в этой субреальности вполне могли иметь место. Лиза смотрела на все это великолепии с выражением искреннего изумления и восторга на лице. Ее и без того большие глаза округлились настолько, что я еле сдерживал смех. Сам Джонатан Справедливый встречал нас, сидя на троне. Высокий, плечистый, с длинными седыми волосами и бородой, он был в отличной физической форме, несмотря на почтенный возраст. Одет он был подобающе его статусу: от высоких кожаных сапог с золотой тесьмой до воротника из меха какого-то неизвестного мне животного. На голове Его Величества сидела аккуратная золотая корона с единственным драгоценным камнем, похоже, сапфиром, размером с кулак. Одним своим видом он внушал уважение.

– Ваше Величество, эти люди называют себя Великими Магами. Они утверждают, что победили людоеда, который держит в страхе селян, и которого солдаты не могли найти и одолеть уже полгода. А девочка при них – одна из сотен спасенных детей. Она видела всё своими глазами, и потому я взял на себя смелость разре...

– Оставь нас! Стража тоже свободна!

Сопровождавший нас от ворот до самого тронного зала стражник молча развернулся и отправился к двери. Похоже, он немного расстроился, что не получил обещанного мною вознаграждения, ну да и ладно. Зато мы, наконец, увиделись с местным творцом! Когда стража зала вышла, закрыв за собой дверь, и мы остались наедине с королем, он радостно вскочил с трона и побежал к нам с распростертыми руками.

– Наконец-то! Как же я долго ждал здесь кого-нибудь настоящего! – король обнимал нас с Энн, словно любимых родственников, которых не видел много лет. – Ну, рассказывайте же, что происходит в мире? И когда я, наконец, смогу выйти отсюда? Разработка завершена, полюбуйте! Всё как я и обещал заказчику!

– Ваше Величество, король Джонатан ... – начал было я, но король перебил меня:

– Просто Джо! Для вас – Джо! Я слишком долго играю здесь эту роль. Признаться, я уже начал бояться, что сойду с ума от общения только с плодами моей собственной фантазии! Как же я рад, что вы, наконец, пришли! Ну, что скажете? Вам нравится?

– Да. Очень нравится! Чудесный замок, потрясающий реализм, пираты на берегу прямо как настоящие! Вот только...

– Да, да, это начало понравится игрокам за пиратов! Прорываться через лес, рискуя своей жизнью, получить помилование у короля и снова начать собирать команду для грабежей и разбоя! Это лучше, чем любое кино! – снова перебил меня Джонатан, но я продолжил:

– Вот только мы – не ваши заказчики. И даже не знаем, кто ваш заказчик, и что именно он у вас заказал. Мы – такие же пленники нейронета, как и вы, Джо.

Радость пропала с лица короля. Он внимательно слушал нашу историю, изредка задавал вопросы, уточнял детали. Его не удивил ни садизм Даниэля Аллена, ни самоизолированная Утопия, ни рассказ о ребенке, живущем в нейронете с рождения. Похоже, он хорошо знал нейронет и его законы, к тому же исполнял здесь какой-то заказ. Может, он работник Эдварда Дарио?

– Ваш рассказ заставляет задуматься, – сказал Джонатан, когда я закончил повествование. – Конечно, я надеялся, что вы здесь для того, чтобы выпустить меня, а всё оказалось иначе. Но самое главное, что мы теперь вместе, и ваша цель, как и моя – вернуться в реальный мир. Я продолжал работать здесь, не прекращая верить в то, что меня со дня на день выпустят, но теперь я понимаю, что надеяться можно только на себя. Утро вечера мудренее. Я предо-

ставлю вам королевские опочивальни, чтобы вы могли отдохнуть, а завтра расскажу вам свою непростую историю. А потом мы решим, что будем делать дальше.

С этими словами король вернулся на трон и громко дважды хлопнул в ладоши. Двери зала открылись, и внутрь вбежали слуги. Джонатан Справедливый снова вернулся к своей роли, он суровым голосом раздавал им свои указания: разместить Великих Магов, победителей людоеда, с королевскими почестями. Надо сказать, что и насчет Лизы, которая все это время удивленно рассматривала огромные колонны зала, он распорядился соответственно.

С огромным облегчением и радостью я провалился в сон, как только все приготовления были закончены. Сегодня первый успех на нашем пути. Мы встретили человека, который, как и мы с Энн, мечтает покинуть нейронет. И завтра мы будем решать, как это сделать.

Спал я плохо. Похоже, мое сознание с трудом выдерживало всё то, что произошло со мной за последнее время, и это вылилось в новые ночные кошмары. Пару раз за ночь я просыпался от страха. Нет, дело было не в страхе перед кошмарами, а скорее в том, что я боялся материализовать их в той субреальности, в которой я вынужден был находиться сейчас. Что если в мире, который формируется фантазией его жителей, какой-нибудь образ из страшного сна начнет жить своей самостоятельной жизнью? Такие мысли вперемешку с попытками уснуть преследовали меня всю ночь, и уснуть удалось только под утро. Когда я пришел в себя, солнце было уже в зените. Его Величество великодушно не стал будить меня, пока я сам не вышел из опочивальни. Слуга, ожидавший меня у двери, проводил меня в обеденный зал, где меня ожидали хозяин замка, Энн и Лиза.

– Мое настоящее имя – Джонатан Пард, – промолвил король, когда слуги и стража оставили нас.

– Джонатан Пард? Вы – разработчик компьютерных игр!

– Да, я гейм-дизайнер. В Biotronics мне предложили испытать технологию, которая позволит напрямую записывать результат работы воображения на цифровой носитель. Поначалу я не поверил, но потом мне показали это. – Джонатан очертил ладонью круг в воздухе. – Вы представляете, насколько это облегчило и ускорило мою работу? Стоило мне только представить какой-то элемент: дерево, замок, персонажа, и он немедленно появлялся передо мной во всей красе. В точности таким же, как я его представлял! Это было изумительно. Я даже возвращаться не хотел после того, как побывал здесь первый раз!

– Первый раз?! – удивился я.

– Да, Дарио устроил мне экскурсию по просторам нейронета, когда здесь еще было мало пользователей и их, как он это назвал, «субреальности» еще почти не пересекались. Я радовался, как ребенок! Летал над чистым холстом и наполнял его красками! После того, как мы вышли, я написал подробный отчет об увиденном.

– Один момент! После того, как вы вышли? А как вы вышли отсюда?

– Боюсь, я не совсем это понимаю. Процесс выхода был несколько неприятным. Меня словно током ударило, с полчаса потом болело все тело. Эдвард каким-то образом просто вытащил нас и всё. К сожалению, я не следил за тем, что и как он сделал. Выход я воспринял, как нечто само собой разумеющееся.

– А потом вы вернулись сюда снова?

– Да. Это был заказ на игру-фэнтези под названием «Эскапада». Я очень ярко представлял себе то, что должно было получиться, но никак не мог найти взаимопонимание со своим коллективом. Тогда я обратился в «Biotronics» с просьбой выделить мне небольшую область в нейронете, чтобы я мог воплотить там свои фантазии. Я получил разрешение, и даже набор модераторских прав, который позволил мне ограничить возможности других пользователей, попадавших на подконтрольную мне территорию.

– Так вот почему я не мог создать вертолет на берегу! Энн верно предположила, что все, что не вписывается в этот волшебный мир, не может быть в нем материализовано.

– Да, это одно из ограничений, которое я установил здесь. В данной субреальности я имею более широкие возможности, чем остальные. Любой, кто прибывает в Эскападу, получает роль рядового игрока, а не творца, и вынужден подчиняться правилам игры. Сюжет нелинейный, концовка игры у каждого своя, а начинается игра в момент прибытия на континент. Вы, например, начали со сценария «Нападение дракона на пиратский корабль», отвлеклись на квест «Спасти деревенскую девочку от людоеда». А тот, кто высадится в другом месте, увидит совсем другую историю. Я создал тысячи сюжетов, пока находился здесь, и эта игра была бы лучшим моим творением, если бы мы ее выпустили в свет!

– Для начала надо бы выпустить в свет нас самих! – улыбнулся я. – У меня возникла пока всего одна идея, как это можно было бы сделать.

– И что за идея?

– Нейронет хранит огромное пространство, наполненное ожившими фантазиями его пользователей. Как бы ни была велика память суперкомпьютера, который хранит все это пространство, она конечна. Где-то должен существовать «край земли», который я хочу найти и пересечь. Не факт, что это сработает, но хотя бы узнаю, что будет.

– «Край земли», говорите? Граница карты нейронета?

– Именно. Он же должен существовать?

– Хотя я и модератор в этой субреальности, внутреннего устройства нейронета я не знаю. Но ваша идея имеет право на существование! Однако для реализации вашего плана предстоит преодолеть одну сложность... – Джонатан выглядел слегка смущенным. Я вопросительно посмотрел на него.

– Сложность?

– Да. Как бы вам объяснить... Дело в том, что как я уже говорил, эта субреальность является игрой с определенными правилами, которые я установил, когда еще только начинал ее создание. И правила этой субреальности таковы, что ее нельзя покинуть, если не пройти игру до конца.

– Разве это проблема? Вы ведь сами сказали, что вы модератор. Разве модератор подчиняется правилам, которые он же и создал?

– Модератор не подчиняется, к тому же, я уже прошел эту игру всеми возможными способами, остановившись на этом. – Джонатан обвел рукой замок. – Концовка «Коронация», одна из моих любимых. Но модератор здесь только я. А вы с Энн – игроки. И вы не сможете покинуть Эскападу, пока не пройдете игру. Это невозможно, и даже я не смогу отменить это правило.

Глава 7. Игра

Все оказалось не так просто, как я это представлял. На начальном этапе создания Эскапады Джонатан Пард внес в нее ряд единых для всех правил, которые распространялись и на модераторов. Как оказалось, в развитых играх с миллионами игроков недобросовестное выполнение модераторами своих обязанностей и превышение ими своих должностных полномочий в конечном итоге сильно снижает интерес пользователей к игре. Никто не захочет играть в волшебном мире с произволом чиновников и коррупцией. Потому ограничения, которые создал Джонатан, распространялись на всех, кто находился в Эскападе, включая его самого. Установив эти правила давным-давно, он не мог уже никаким образом отменить их, они лежали в самой основе существования этого мира. Потому нам с Энн предстояло пройти весь игровой сюжет до конца, чтобы покинуть этот мир. Я был новичком в этом деле, хотя это и казалось мне интересным, но с нами в путь отправлялся самый первый и самый опытный игрок – сам Джонатан Пард, более известный в этом мире, как король Джонатан Справедливый.

Эскапада наделяла игроков разными способностями в зависимости от того, какими действиями они начали игру. Энн уже считалась магом, благодаря тому, что уничтожила людоеда «заклинанием», таким образом, определив свое оружие на всё время игры. Что же касается меня, несмотря на заявление Энн перед стражей о двух «Великих Магах», игра меня таковым не считала. Я ни разу не применил то или иное оружие, и ни разу не проявил себя в деле. В единственной битве, в которой мне удалось поучаствовать, я был сражен первым же ударом, что навсегда закрыло мне возможность стать воином, но выбор вариантов кем мне быть в этом фантастическом мире был всё еще достаточно широким.

– Нам нужен целитель, – заявил Джонатан. Мы готовились к походу в его замке, обсуждали план действий, в котором важные решения все же принимал он, так как никто не знал лучше него правила созданной им игры. – Жрец какого-нибудь доброго божества, способный молитвами исцелять своих союзников. Или маг, освоивший целительные заклинания в древних книгах.

– Исцеляющая магия – самая сложная школа магии в Эскападе, – объяснила Энн, которая уже обладала какими-то «тайными знаниями» из-за принадлежности к магам. – Многие волшебники тратят годы на ее изучение, но так и не добиваются успеха.

– Годы? То есть, годы реального времени? Или это метафора такая?

– Годы реального времени, господин Ник.

– Нет, это перебор. В мои планы застрять тут на годы точно не входит. А есть какой-то еще вариант? Без молитв воображаемым божествам и чтения книг годами?

– Есть и еще один, но он... Как бы так выразиться... Немного специфический, – ответил Джонатан. – Исцелять может еще и знахарь. Или шаман, как его иногда называют.

– А что в нем такого специфического?

– Чтобы стать шаманом, нужно пройти непростую линейку квестов в Лесу Тайн. Особенность этой линейки в том, что ее нужно проходить в одиночку.

– Что такое «линейка квестов»?

– Последовательность заданий, выполнив которую, вы станете шаманом. Пока вы будете этим заниматься, мы с Энн попробуем раздобыть кое-какое снаряжение для нее и для вас, а когда вы вернетесь, мы отправимся в путь.

– Отлично, и с чего мне нужно начать?

– По правилам игры модератор не должен решать за игроков их задачи. Я не могу ответить на этот вопрос.

Вот так дела! Иди туда, не знаю куда, задание придется выполнять в одиночку, а откуда это задание взять – не подскажу, правила не позволяют! И что мне с этим делать? Я никогда

не играл в подобные игры, ничего в этом не понимаю, как я буду выполнять эти задания? Что мне нужно делать? Идея!

– А Его Величество Джонатан Справедливый может ответить на вопрос его гостя о его королевстве?

– Конечно! – ответил король. – Спрашивайте, уважаемый гость!

– Слышал я, что есть в ваших землях знахари, тайными знаниями обладающие, исцеляющие хворь любую и раны глубокие! Подскажите мне, Ваше Величество, где бы я мог найти таких мудрецов, да научиться у них искусству тайному?

– Слышал я, что в небольшой деревеньке на западе моих владений живет старик-отшельник, исцеляющий болезни травами чудодейственными, знающий секреты лесные и с духами разговаривающий. Ежели и может кто обучить этому в королевстве, так это он. Пускай Лиза проводит тебя, храбрый герой, к дому этого старика! Таков мой приказ!

– Я справлюсь, Ваше Величество! – ответила Лиза радостным голосом и повернулась ко мне: – Следуй за мной, герой! Я покажу тебе дорогу к хижине отшельника.

Игра началась.

Прошло две недели с того дня, как мы с Энн потерпели крушение у берегов Эскапады из-за нападения дракона. Мне пришлось принять правила игры и добиться у отвратительного, вредного старика-знахаря, чтобы он взял меня в свои ученики. Я думал, что мы будем бродить по лесу, изучать названия каких-то корешков и ягод, варить зелья и вызывать духов, но не тут-то было! Старик охотно взял меня в ученики и свалил на меня всю работу по хозяйству: уход за грядками с картофелем, уборку, колку дров и еще несколько десятков обязанностей, о существовании которых я вообще не знал! Я, журналист Николас Вильфрид, стал прислугой в доме отвратительного, придирчивого, ворчливого, крикливого старого деда, две недели делал всю грязную работу и ни на шаг не приблизился к своей цели! Я не видел ни Энн, ни Парда все время, пока выполнял эту «специфическую линейку квестов». Например, бегал к колодцу за водой и поливал растущую капусту, попутно проклиная нездоровую фантазию Джонатана, который придумал столь увлекательную и интересную «игру». Неужели кто-то действительно в такое играет и получает от этого удовольствие? Дед относился ко мне так, словно я был его собственностью, а ведь он всего лишь придумок! Хорошо, что изредка заглядывала Лиза, которая всегда была рада видеть своего спасителя.

На пятнадцатый день моего заключения к знахарю пришла какая-то крестьянка из деревни. Заболела корова, которая кормила молоком всю ее семью, и она сильно переживала на этот счет.

– Собирайся, ученик! – буркнул дед. – Пришло время преподать тебе второй урок! Хватай мою котомку и бегом за мной!

Я хотел было спросить, а был ли первый, но промолчал. Наконец-то происходит что-то новенькое! Бросив все дела, я последовал за своим учителем.

Дом нашей «клиентки» ничем не отличался от дома старика. Похоже, все крестьянские дома в этой деревне Джонатан просто скопировал с какого-то прообраза, который детально создал своей фантазией. Это бросалось в глаза настолько, что я отметил для себя, что надо бы сказать об этом Его Величеству. Ведь если игра «Эскапада» когда-нибудь действительно выйдет в свет, игроки наверняка заметят эту особенность, и вряд ли ее оценят.

Не теряя времени, дед отправился в хлев. Я никогда не разбирался в ветеринарии, но даже моему неискушенному взгляду было ясно, что корова выглядит неважно. Старый ворчун положил ладонь ей на лоб, потрогал нос, заглянул в затянутые мутной пленкой глаза и покачал головой.

– Давай-ка сюда синецвет! – не глядя в мою сторону, пробормотал он.

Я понятия не имел, что такое синецвет и как он выглядит. Среди десятков пучков трав в котомке деда были какие-то засушенные цветы синего цвета. Недолго думая, я протянул своему учителю пучок. Тот растер его ладонями, приоткрыл корове рот и положил перетертые цветы на ее пожелтевший, покрытый язвами язык. Животное грустно замычало.

– Потерпи, бурёнка, сейчас все хорошо будет! – прошептал он и... начал творить! Я не мог поверить своим глазам, но никак иначе это объяснить было нельзя. Язвы пропадали с языка коровы одна за другой, не прошло и минуты, как она встала на ноги, и мне даже показалось, что я могу прочесть благодарность в ее глазах.

– Дай ей воды побольше, но сегодня не корми, даже если просить будет. Завтра с утра на пастбище отправь, – наставлял дед соседку, которая светилась радостью после такого удивительного спасения своей кормилицы.

– Чем же мне отблагодарить тебя, дедушка?

– Молока свежего принесешь через неделю, – первый раз на моей памяти дед улыбнулся.

Я не задавал вопросов и терпеливо ждал, когда мы вернемся в дом и останемся наедине. Наконец, этот момент настал.

– Вы – настоящий! В смысле, вы ведь реал, да? – осторожно спросил я.

– Конечно настоящий, что за вопрос такой? Потрогать что ли меня хочешь, чтобы убедиться? А словечек твоих басурманских я не понимаю, что еще за «реал»? Оскорбить меня хочешь? – дед посмотрел на меня злобно, но это показалось мне настолько наигранным, что я не поверил.

– Вы ведь меня поняли, дедушка. Вы не из этого мира родом. Вы знаете, что он не настоящий, и вы можете его менять. Как и я.

– «Как и я»? Это что это ты там себе такое возомнил? Все, что ты можешь, это огород пропалывать да котомку мою носить! Синецвет от василька отличить не можешь даже!

– И, тем не менее, у вас все равно получилось вылечить корову, несмотря на то, что я ошибся с синецветом! И мы оба знаем, почему!

– Не знаешь ты ничего, не знаешь! Дуй-ка делать свою работу! – дед протянул мне метлу, и больше не отвечал на мои попытки заговорить с ним.

Дни моего скучного существования в качестве прислуги продолжались. Я понял самое главное – дед не был придумком, созданным Джонатаном. Каким-то образом этот старик, если конечно под личиной старика не скрывается кто-то еще, оказался в Эскападе и решил обосноваться в деревне под видом знахаря. Что могло толкнуть его на это? Быть может, он тоже пробыл в нейронете долгий срок, не нашел выхода, отказался от попыток выбраться и остался в этом сказочном мире коротать свой век? Возможно ли уговорить его отправиться с нами на поиски?

От Джонатана и Энн до сих пор не было вестей, а моя «линейка квестов» зашла в тупик. Я понял, каким образом знахарь лечит больных и раненых, но не был уверен, что это получится у меня. Старик же никак не хотел идти на контакт и разговаривать о его прошлом. Но сегодня он решил дать мне новое задание.

– Отправляешься сегодня в Лес Тайн, принесешь мне трав разных-разнообразных. По три пучка каждой, которой увидишь, в котомку пустую сложишь. Понял меня?

– Понял, дедушка, – я послушно взял котомку и отправился в лес. Наконец-то хоть что-то новенькое! Полная котомка самых разнообразных трав наверняка обрадует деда, и тогда я снова попробую его разговорить.

Когда солнце уже двигалось к закату, я понял, что если я не хочу ночевать в лесу, задерживаться не стоит. Насвистывая какую-то веселую мелодию из реального мира, я зашагал домой.

Когда я подходил к дому знахаря, было уже темно. Обычно единственным источником света в доме была лучина, которую дед зажигал с заходом солнца. Ее огонек в окне был как путеводный маяк для тех, кто выходил из леса. Но в этот раз передо мной было слишком много ярких огней. Почувствовав неладное, я побежал бегом в сторону дома.

– ... и по многочисленным свидетельствам очевидцев, занимался колдовством, водился с бесами и нагонял страх на всю округу! – я сразу узнал этот голос. Тот самый стражник у ворот, что не хотел нас пускать! Что здесь происходит?

Перед домом была толпа жителей деревни, около сотни человек, с факелами, вилами и дубинами. Полукольцом они окружили крыльцо, где двое стражников держали за плечи моего учителя, еще двое с важным видом охраняли крыльцо, а пятый, чей голос я узнал еще издали, читал приговор:

– Таким образом, сей человек по приказу Его Величества заключается под стражу до справедливого суда!

Что за ерунда!? По приказу Его Величества? Да быть такого не может, чтобы Джонатан отдал такой дурацкий приказ! Что они себе позволяют?!

– Расступитесь! Пропустите меня немедленно! – я пробился через толпу и вышел на площадку перед крыльцом, освещенную факелами и направился к страже. – Немедленно отпустите этого человека, или я гарантирую вам, что король с вас уже на рассвете головы снимет!

Два стражника вздрогнули, услышав мои слова, и вопросительно посмотрели на своего командира.

– А кто это тут у нас гавкает? – презрительно поморщился он. – Я знаю тебя. Великий Маг из Дальних Миров, значит? Взять его!

Два свободных стражника, обнажив мечи, двинулись в мою сторону. Мне совсем не хотелось умирать здесь второй раз и снова оказаться в пустоте небытия на неопределенный срок, но я все еще надеялся разрешить всё мирно.

– Именем Его Величества короля Джонатана Справедливого, Говорящего с Драконами, Знающего Тайны, Созидающего Леса и Горы, я приказываю вам остановиться!

Кажется, я сказал правильно все титулы Джо Парда? Стражники переглянулись между собой, а их командир громко рассмеялся.

– Твой бывший король больше не хозяин этим землям, колдун! – торжественно объявил он. – Всем Южным Берегом теперь повелевает Его Величество король Эдвард, а твой свергнутый король-колдун находится в темнице и ожидает скорой казни! И ты вскоре присоединишься к нему!

Глава 8. Восстание

Каким образом это могло произойти? Кто мог заключить в темницу создателя Эскапады в его собственной субреальности? Это казалось мне невозможным, но, похоже, стражник не врал. «Король Эдвард»? Неужели это Эдвард Дарио явился сюда лично, чтобы помешать нам покинуть нейронет? Я крепко сжал кулаки. Да, видимо, мы подошли к выходу слишком близко, раз он так забеспокоился. Нейронет полностью наполнен фантазиями его пленников, но Дарио наверняка имеет какие-то собственные механизмы управления субреальностями, которые дают ему куда более широкие возможности, чем обычным пользователям. Не знаю, возможно ли будет биться с ним на его поле, но сейчас передо мной стояло всего лишь пять придумков. Сначала нужно решить проблему с ними, а потом думать, как спасти Джонатана!

– Жители деревни! – прокричал я. – Этот человек неоднократно помогал вам своим талантом! Исцелял вас, ваших детей, возвращал к жизни ваш скот! А сейчас вы пришли к его дому с факелами и вилами? Где же ваша благодарность?

Два стражника сделали три шага в мою сторону. Времени мало.

– Вы забыли, что ваш король – Джонатан Справедливый? Разве не вы дали ему это прозвище? Разве не потому, что он всегда был справедлив к вам? Разве то, что сейчас делает стража, справедливо?

В глазах крестьян появилось сомнение. Ну же, Джонатан же придумал вас всех, а сейчас ему нужна ваша помощь! Неужели вам нет дела до вашего короля и создателя? Ну а до собственной жизни?

– Вчера они предали и бросили в темницу вашего короля, сегодня они пришли за старым знахарем, который всю свою жизнь спасал ваши жизни, завтра они придут за тобой! И за тобой тоже! Не сомневайся! – я показывал пальцем то на одного, то на другого. Сомнение сменилось страхом. Стражники уже совсем близко.

– Хватит стоять и ждать этого! Пришло время действовать! – с этими словами я развернулся и ударил ближайшего стражника кулаком в лицо.

Точнее, не в лицо, а в забрало шлема. Не самое удачное решение! Послышался громкий хруст, и я громко закричал от сильнейшей боли в моем запястье. И мой крик подхватила толпа крестьян, обрушивших на стражников град ударов дубинами и вилами! Я чуть было не был раздавлен воодушевленной моими словами толпой, ринувшейся защищать свое будущее. Мне с трудом удалось выбраться из-под сотен ног. Я попытался докричаться до селян, но мой крик утонул в предсмертных криках стражников и реве разъяренной толпы, свершившей суд над предателями.

Когда крики стихли, люди повернулись ко мне. Они молча смотрели на меня, ожидая указаний к дальнейшим действиям. Около сотни плохо вооруженных крестьян, плюс пять мечей и доспехов убитых стражников – неплохо для начала восстания? И они ждут моих слов.

– Мы вернем власть законного короля! – мой голос звучал уже не настолько убедительно. Тяжело толкать революционные речи, сжимая ладонью левой руки сломанное запястье правой. – Разошлите гонцов во все окрестные деревни, соберите здесь столько людей, сколько сможете! О том, что произошло здесь, в замке еще не знают, потому выступать надо как можно скорее!

– И что же мы... Выступать... Прямо на замок пойдём? – удивленно перешептывались люди. – Мы же народ простой... Ратным делам не обучены...

– Зато с вами будет могущественная волшебница, победительница людоедов и повелевающая огнём! – раздался за моей спиной знакомый голос.

Энн! Как же я рад тебя снова видеть!

Пока селяне собирали нашу «армию», мы с Энн смогли поговорить обо всем, что произошло за время моего ученичества. Я не сразу привык к тому, что мой робот теперь носит ярко-красный плащ со стилизованной под языки пламени вышивкой и сжимает в руке-манипуляторе длинный костяной посох, набалдашник которого был сделан из какого-то светящегося камня. Энн быстро освоилась в игре, заслужила доверие местной гильдии магов и выучила у них одно из великих заклинаний. Эскапада позволяла магу выучить только одно заклинание самого высокого уровня, и Энн, после долгих раздумий, научилась заклинанию «Портал», которое позволяло связывать любые две точки в Эскападе магическими воротами. Правда, для того, чтобы создать эти ворота, Энн должна была побывать ранее в том месте, куда она открывает портал, и хорошо его представлять. С помощью портала Энн вернулась к воротам замка Джонатана, и чуть было не была схвачена стражей. Она тоже не имела понятия о том, кто и каким образом мог заточить создателя Эскапады в темницу в его собственной субреальности.

– Стража сказала, что властвует Южным Берегом теперь король Эдвард, – сказал я, выслушав рассказ Энн.

– Эдвард? Это может быть Эдвард Дарио?

– Скорее всего. Возможно, нейронет докладывает ему, если кто-то из пленников пытается найти выход, и он вмешивается лично, чтобы этому помешать.

– Если это так, то логично было бы предположить, что мы на правильном пути, господин Ник. Если Эдвард Дарио решил лично помешать нам, значит мы нашли что-то такое, что действительно ведет нас к выходу.

– Понять бы еще, что же такого мы нашли...

Если Дарио решил испортить наш план, значит, он действительно вел нас к выходу. Это предположение казалось обнадеживающим, кроме одного важного момента: зачем Эдварду Дарио вторгаться в нейронет и мешать нам, когда он имел полную власть над нашими телами в реальном мире? В конце концов, он мог просто изолировать нас всех в состоянии небытия, которое я уже пережил после битвы с людоедом, и всё! Или запереть нас в какой-то субреальности, из которой нет выхода. Отправиться за нами собственноручно в субреальность Джонатана Парда казалось каким-то странным решением.

– Какой у вас план, господин Ник? – поинтересовалась Энн, прервав мои размышления.

– Я поднимаю восстание против нового короля. На самом деле, это не было каким-то моим продуманным планом, просто спонтанное решение.

– В известной мне части истории человечества различные проблемы неоднократно решались методом народных восстаний. Похоже, это очень эффективное средство свержения королей.

– Энн, а твой этот портал... Ты можешь открыть его в темницу и освободить Джонатана?

– К сожалению, нет, господин Ник. Хотя мы и осмотрели замок достаточно хорошо, экскурсии в темницу у нас не было. А я не могу открыть портал в место, которое никогда не видела.

– Значит, тебе не удастся открыть портал в темницу, но в тронный зал – без проблем?

– Именно так, господин Ник... Я, кажется, улавливаю вашу мысль!

Я улыбнулся, не сказав Энн ничего в ответ. Да, она действительно улавливает. Этот робот учится очень быстро.

В моем войске, собранном за ночь с окрестных деревень, было всего около пятисот человек. Да, вести его в атаку на неприступные стены замка, охраняемые хорошо вооруженными стражниками, было бы безумием, но у нас не было необходимости уничтожать стражу. Цель была всего одна – самозванный король Эдвард, который наверняка находится в тронном зале и оттуда раздает свои приказы. При Джонатане вход в зал охраняло всего два стражника, возможно, еще какое-то количество примчится на помощь королю по первому же тревожному сигналу, но вряд ли они смогут остановить лавину из пятисот разгневанных крестьян. За спи-

нами которых, к тому же, будет моя замечательная волшебница. С помощью портала Энн мы сможем заставить самозванца врасплох, взять его в заложники и потребовать немедленного освобождения Джонатана. Это должно сработать!

– Когда вы увидите, как мы пройдем через сияющие ворота, не бойтесь! – Энн объясняла нашим «повстанцам» их роль. – Смело входите вслед за нами. Ваша задача – обезоружить стражу. Мы пленим этого Эдварда и освободим истинного короля, который предаст самозванца законному суду!

– Вам понятны слова великой волшебницы? – спросил я. Толпа одобрительно загудела.

– Тогда начинаем!

Петухи прокричали, словно сигнал к атаке. Энн очертила в воздухе круг своим посохом, и он засиял ярким пламенем. Честно говоря, я представлял себе какое-то подобие ворот или дверей, а не это жерло вулкана!

– Не бойтесь, господин Ник! – прошептала Энн. – Ваши люди должны видеть вашу храбрость, чтобы идти за вами.

Энн шагнула в портал.

– Вперед! За истинного короля! – прокричал я и шагнул вслед за ней.

Ненадолго я словно снова оказался в злополучном лифте небоскреба «Biotronics», доставившем меня в нейронет. Нарастающий рев, мерцающий свет и... тронный зал, в который вслед за мной с громкими криками вбежала вооруженная чем попало толпа селян. Энн уже стояла перед тронном, направив на сидевшего на нем человека свой сияющий посох. Человек, который, похоже, спокойно дремал до нашего прибытия, удивленно поднял голову. Нет, он совсем не был похож на Эдварда Дарио. На троне сидел мальчишка лет пятнадцати, одетый точь в точь как Энн.

– Портал? – мальчишка рассмеялся. – И чем вы мне угрожать вздумали? Этим заклом меня не убить.

Мальчишка ударил посохом в пол, и яркая вспышка с грохотом отбросила всю нашу «армию» от трона. Мы с Энн остались на месте, что, похоже, в равной степени удивило и меня, и короля Эдварда.

– Ощути силу огня, самозванец! – воскликнула Энн, и замахнулась посохом, но...

– Остановка времени! – выпалил мальчишка, и весь мир вокруг словно замер. – Вот это заклинание последнего уровня стоило брать, а не дурацкий портал.

Огненный шар, появившийся на конце посоха Энн, так и не оторвался от него, наши повстанцы застыли в тех позах, в которых падали, некоторые даже висели в воздухе, не касаясь земли. Даже мое дыхание остановилось, и я не мог даже моргнуть, продолжая глядеть в сторону трона. Только король-самозванец не потерял способность передвигаться. Он подошел к Энн, потрогал пальцем ее посох, заглянул в ее глаза-видеокамеры, пробормотал под нос «Новую расу что ли ввели?» и направился ко мне. Я не чувствовал его прикосновений ко мне, хотя он даже пару раз подергал меня за волосы.

– Отбросить всех агрессивных существ и оглушить их на десять секунд... Так, параметры... Урон... А, вот! Не действует на других игроков! – мальчишка просто засиял от собственного открытия. – Вы – живые игроки!?

Он щелкнул пальцами. Огненный шар тут же сорвался с посоха Энн и ударил в пустой трон, пробив в нем отверстие с оплавленными краями. Зависшие в воздухе крестьяне попадали на землю.

– Я даже и не думал, что я здесь не один! – продолжил юный самозванец. – Это ж надо такому случиться – другие игроки! Живые! Вот только не надо на меня нападать, у меня уровень повыше, заклы мощнее, а вас тут двое всего, причем один даже квест на знахаря до конца не прошел!

Я не ожидал такого поворота событий, и просто не знал, что сказать.

– Вообще-то нас трое, – заговорила Энн. – С учетом короля Джонатана Справедливого, которого вы пленили в его собственной темнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.